

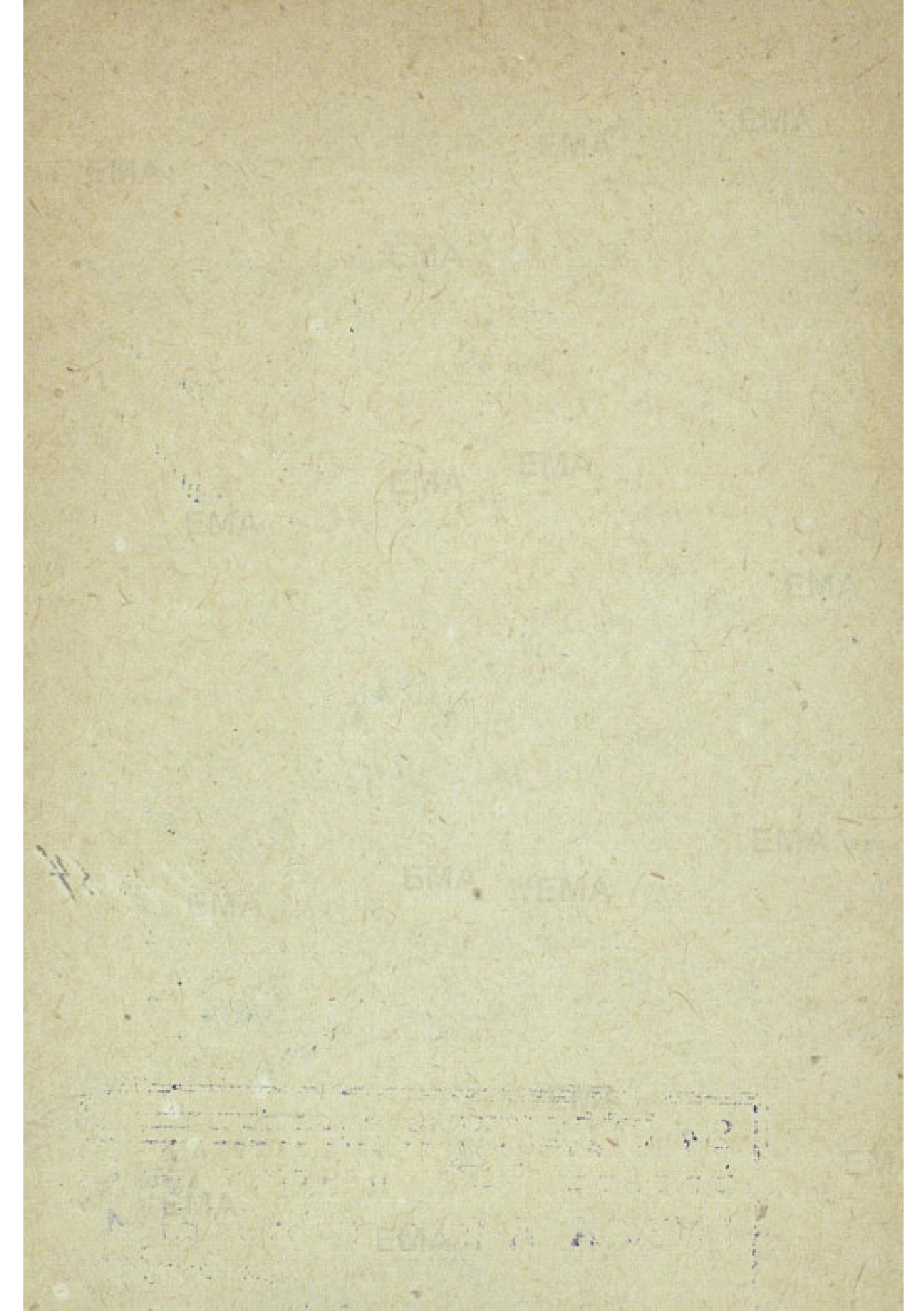
150471 А. ВОЙТИНСКАЯ

Земля

НАНСЕНА

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА ★ ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА ★
ИЗД-ВО «КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»
МОСКВА 1930

А. ВОЙТИНСКАЯ

30-8

71152

30-8

71152

ЗЕМЛЯ

НАНСЕНА

Рисунки

А. КРЫЛОВОЙ

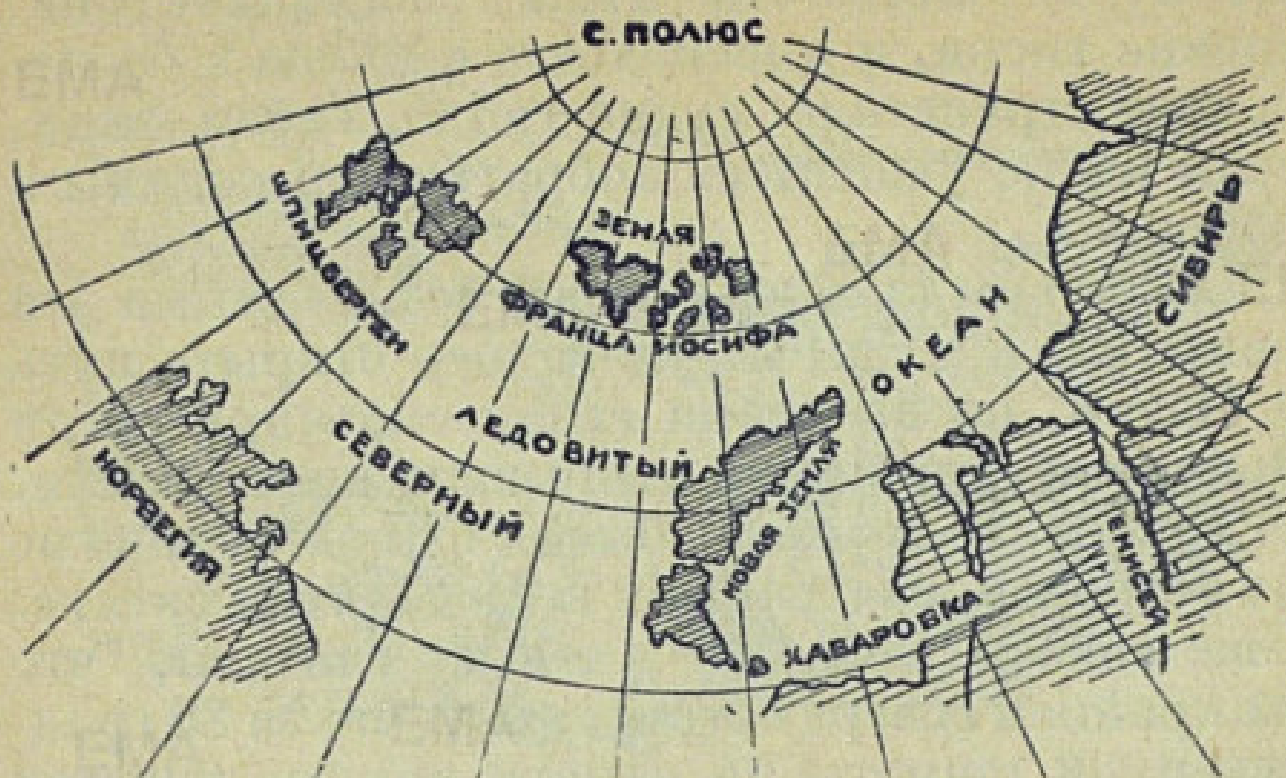

ГЛБ-ка обяз. экз.
Лнгр. 1930 г.
Акт № 2/1364

МОСКВА 1930
2-е ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ

Главлит № А—77.872   Заказ 1526 2 п. л.   Тираж 30.000

ЗЕМЛЯ НАНСЕНА

Далеко-далеко на севере среди ледяной пустыни расположена Земля Франца-Иосифа.

Много веков под ряд европейские мореплаватели направляли свои суда в страшные ледяные моря— они искали морского пути в Китай, сказочные богатства которого манили европейских купцов: купцы давали деньги и снаряжали суда, а смельчаков, не боявшихся опасностей, всегда было много среди моряков. Суда держали путь на восток к Тихому океану, но им не удавалось достичь желанной цели: тяжелые льды преграждали

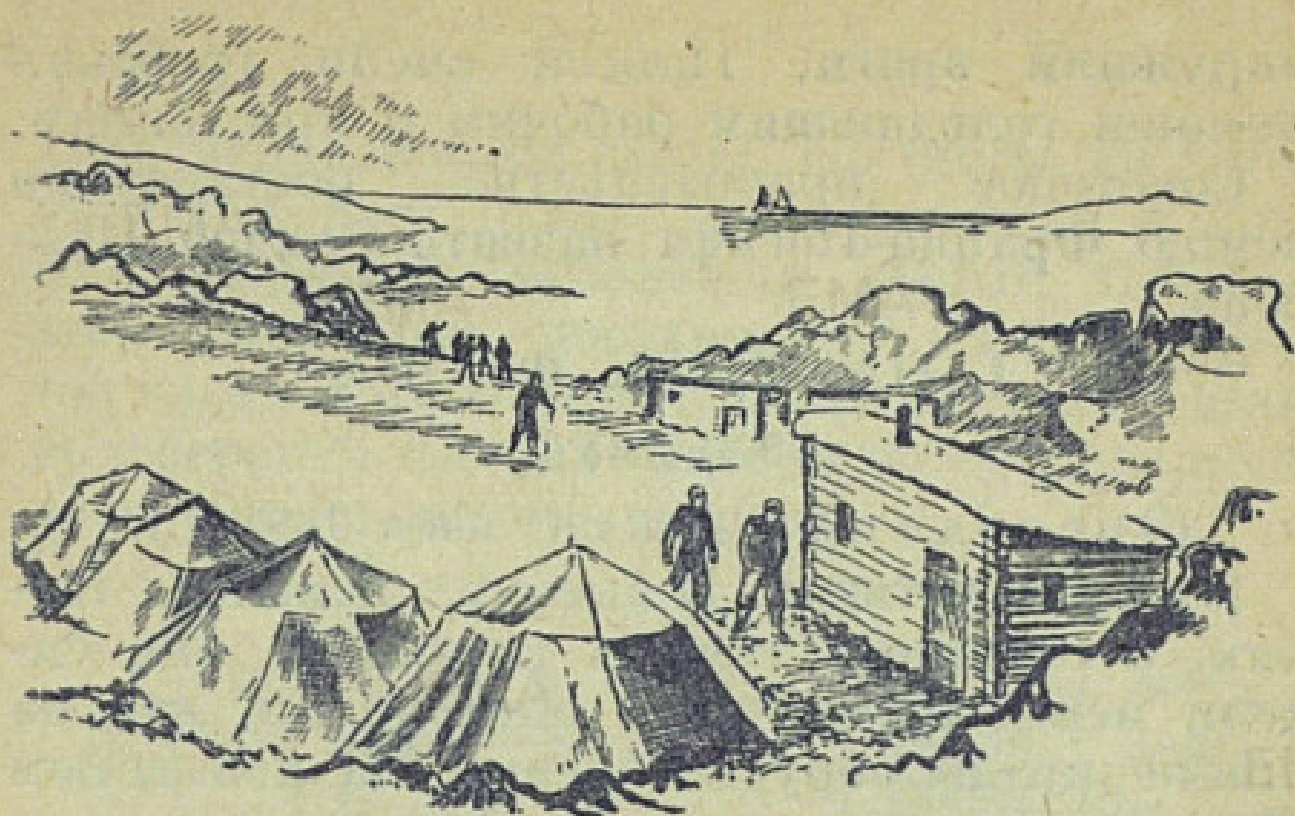
им путь; часто эти льды сжимали судно, словно тиски, и уносили его с собою в бесконечное странствие: судно гибло, гибли люди, если им не удавалось добраться до родины в шлюпках.

Но не всегда оказывались бесплодными эти попытки: правда, не удавалось открыть путь в Китай, но во время своих скитаний среди льдов мореплаватели открывали новые земли.

Так в 16-м веке были открыты многие из островов, рассеянных в Ледовитом океане. Еще совсем недавно ученые считали, что на крайнем севере островов нет, что за 80 град. северной широты до самого полюса тянется море.

Первым усомнился в этом русский ученый и революционер Кропоткин: на основании течений и движения льдов у северных берегов Сибири он утверждал, что за 80 град. северной широты должна существовать земля,— это было в конце 60-х годов. И через несколько лет земля, действительно, была открыта в том месте, где она должна была быть по утверждению Кропоткина.

Эта земля была открыта так же, как были открыты и другие острова в Ледовитом океане. Богатый австрийский граф послал экспедицию на судне «Тегетгоф» искать морской путь в Тихий океан. Почти у берегов Европы судно было зажато льдами, которые

стали уносить его сначала на восток, а затем на север. Этот дрейф продолжался около года. Однажды измученные путники увидели берег, землю в месте, в котором на картах изображалось море. Земля, открытая так неожиданно, была названа Землей Франца-Иосифа. После экспедиции на судне «Тегетгоф» на островах, составляющих эту землю, часто бывали исследователи. О некоторых из них мы расскажем в этой книжке.

Прошло почти 35 лет с тех пор, как на Земле Франца-Иосифа побывал в первый раз великий путешественник Фритиоф Нансен.

В 1930 г. 22 мая умер Нансен. Он был другом Советского союза. Во время страшного голода в 1920-22 гг., когда нас со всех сторон

окружали враги, Нансен смело требовал помощи голодающим рабочим и крестьянам.

Советское правительство постановило землю Франца-Иосифа назвать Землей Нансена.

I. НА МЫСЕ ФЛОРА

ЭЛЬМВУД

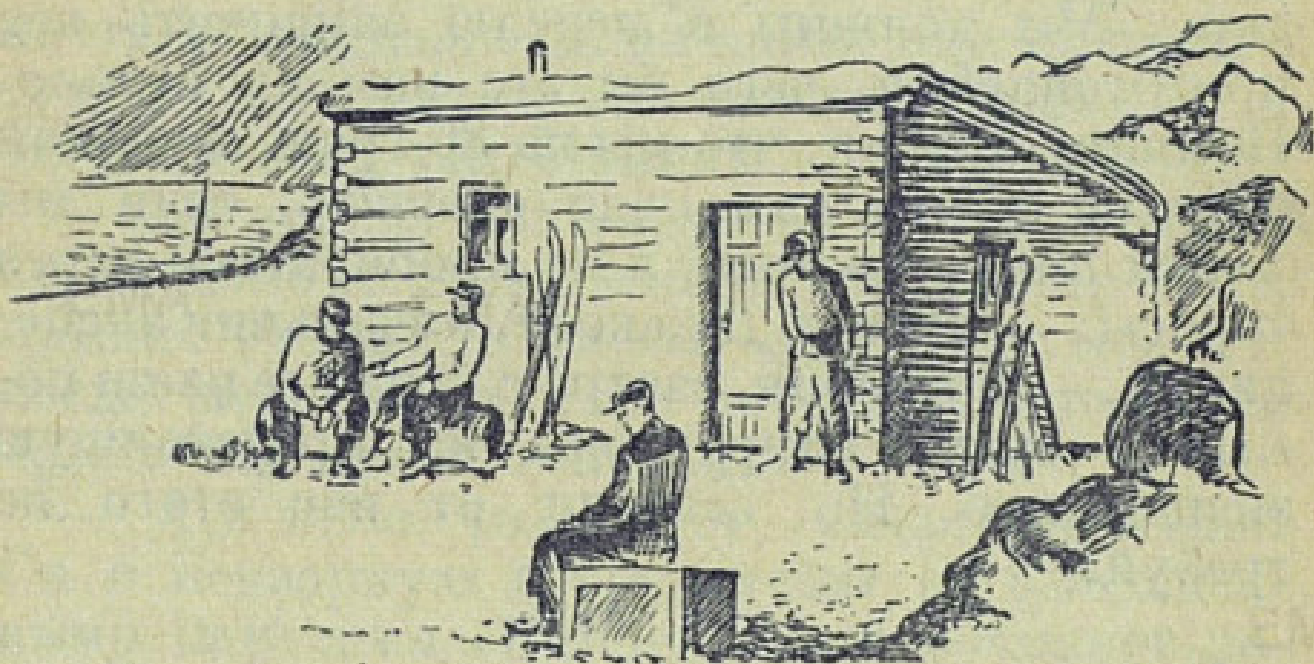
(Экспедиция Джексона 1894 г.).

Их было четверо. В высоких кожаных гетрах, в суконных темных костюмах они сидели перед бревенчатой постройкой, кто на ящике, кто на обрубке бревна. На невысоком берегу, местами покрытом почерневшим талым снегом, почти в ряд выстроились низкий бревенчатый сруб с плоской односкатной крышей, другая постройка поменьше, третья напоминала большой ящик, и четыре многогранные палатки. Почти сразу же за строениями берег круто повышался, образуя невысокий хребет. Склон его, изломанный и изрезанный, был местами покрыт синеватыми пятнами снега. По другую сторону бухты тянулась обледенелая терраса, крутой скат которой был изборозжен темными извивами обнаженного камня.

Беспощадный, режущий свет полярного дня слепил. Вот уже почти три месяца, как солнце не сходило с неба. У всех болели глаза, из-под воспаленных прищуренных век кати-

лись непрошенные слезы. Но никто не хотел уйти с берега бухты: далеко-далеко в море еще виднелась небольшая темная точка — это «Уиндвард», доставивший их сюда почти год назад (в июле 1894 г.), шел обратно к зеленым берегам Англии. Теперь на острове осталось только восемь человек.

Всего несколько часов назад они весело махали команде, посылали приветы.

— Скорее, как можно скорее дайте нашим знать, что мы здоровы! Ведь они еще прошлой осенью ждали возвращения «Уиндварда». Они должно быть думают, что все мы погибли!

Теперь они чувствовали себя отрезанными. Кто знает, сможет ли «Уиндвард» в будущем году пробиться через льды Баренцова моря?

— Хорошо, по крайней мере, что нам некогда скучать и предаваться мрачным мыслям. До сих пор мы, в сущности, еще не приступали к нашей работе. Все эти санные экспедиции дали массу впечатлений, но ведь проникнуть далеко на север мы не смогли. А с завтрашнего дня мы начнем готовиться к нашей долгожданной экспедиции на байдаре. Мы должны в неделю закончить все приготовления, чего бы это нам ни стоило. Помните, друзья, что мы на 80 град. северной широты и что нам надо спешить, если мы хотим плыть по воде, а не пробираться через торосы, — сказал Джексон, начальник экспедиций. — Фредерик, завтра с утра все наши помыслы будут направлены на предстоящую экспедицию. Но сегодня от нас этого не требуй.

В круглой чугунной печурке, стоявшей посередине комнаты, алели угли. Обтянутые зеленым сукном стены были сплошь завешаны полками с инструментами и книгами, таблицами и гравюрами. Тут же, на стенах, висели свернутые меховые мешки для спанья. За придвинутым к окну столом, покрытым бумагами и книгами, сидели люди в шерстяных фуфайках.

С низкого потолка свешивалась лампа, которой уже давно не приходилось пользо-

ваться. Но сидевшие все же часто поглядывали на потолок.

— И как ему не надоест возиться на крыше! — заметил один из сидевших за столом.

— Наш астроном наблюдает за звездами, — смеясь заметил веселый Гарри.

— Ему за зиму так полюбилась его обсерватория на крыше, что с весны, когда настал полярный день и астрономией заниматься почти не приходится, он начал перетаскивать туда свои метеорологические приборы и устроил себе там станцию.

— Он только для виду что-то такое творит перед домом, а вся работа производится на крыше. Кетлиц, неужели он тебе не мешает, когда в 7 часов утра начинает топтаться прямо над твоей головой?

— А я знаю, что делает сейчас Эрмитедж! Он в подзорную трубу следит за белоснежными парусами «Уиндварда» и посылает последний привет Англии.

— Может быть он надеется увидеть на горизонте новое судно, спешащее к Земле Франца-Иосифа.

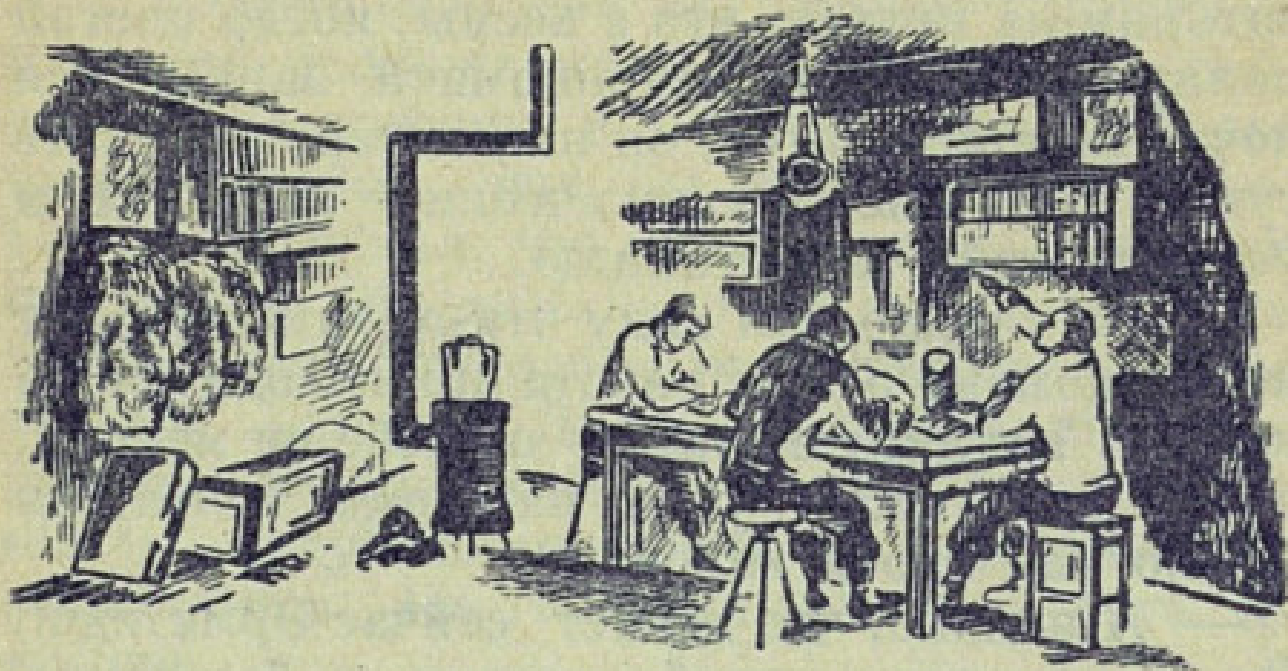
— До будущего года на это нет никакой надежды.

— А найсеновский «Фрам»?

— Не думаю, чтобы «Фрам» пришел сюда раньше будущего лета. Нансен вышел годом раньше нас, в конце июня 1893 г. Он должен

был идти вдоль берегов Сибири до Новосибирских островов и там войти в дрейф, т.-е. отдать судно во власть льдов и течения. Даже сам Нансен рассчитывал, что дрейф до Земли Франца-Иосифа в лучшем случае продолжится два года, но может продолжаться

много дольше. А ведь прежде чем попасть в дрейф, надо достичь Новосибирских островов.

— Неужели вы действительно верите в то, что Нансену удастся осуществить свой план?

— Думаю, что удастся.

— Я знаю, что до сих пор дрейф считался самой большей неудачей для судна. Ити на это добровольно — это чистейшее безумие.

— Милый Гарри, все это говорили Нансену за полгода до того, как он вышел в плавание.

Когда в ноябре 1892 г. Нансен сделал в Лондонском географическом обществе доклад о своем плане экспедиции, против него восстали все полярные исследователи. И все же нашлись ученые, которые его поддержали, нашлись люди, которые жертвовали на экспедицию большие деньги, и «Фрам» вышел в плавание. А когда жена Нансена дала мне для передачи мужу запаянную жестянку с письмами, я взял ее с полной верою в то, что смогу выполнить ее просьбу.

Вернулся Эрмitedж.

— Альберт!— обратился к нему Гарри Фишер.— «Фрама» на горизонте не видал?

— Гарри, что ты привязался?

— Я знаю, в чем дело,— не унимался Гарри. — Альберт смотрел все время на одну часть горизонта, а чтобы увидеть «Фрам», надо шарить трубою во все стороны.

— Гарри, ты попался,— заметил Джек-сон.— Чтобы увидеть «Фрам», если нам суждено его увидеть, надо смотреть именно в одну сторону — на север, только на север!

— Отчего «Фрам» не может притти с востока или с юго-востока?

— Не забывай, что «Фрам» идет не под парами и даже не на парусах — «Фрам» дрейфует со льдами, если все обстоит так, как на это рассчитывал Нансен. И в таком случае он должен пройти к северу от Земли Франца-

Иосифа, между тем как мы находимся на самом южном из островов архипелага. Ведь весь расчет Нансена основан на том, чтобы пройти со льдами часть пути, который они постоянно совершают от восточных окраин Ледовитого океана через полюс к берегам Гренландии. Но в расчеты Нансена вовсе не входило плыть до Гренландии, где он и без того успел побывать несколько лет назад; вблизи Земли Франца-Иосифа Нансен предполагал освободить «Фрам» из тисков льда и идти под парами на юг. Мы пойдем с юга на север, «Фрам» — с севера на юг. Мы можем встретиться в пути. Представьте себе на минутку эту встречу среди ледяной пустыни! Мы на нашей легкокрылой «Мэри Хармсворт», а они на своем заколдованном «Фраме», которому удалось вырваться из ледяного плена.

На другой день на парусную байдару были погружены запасы и снаряжение на 5 недель. Уезжало шесть человек, двое оставались в зимовье — надо было присмотреть и за домом, и за собаками, и за пони.

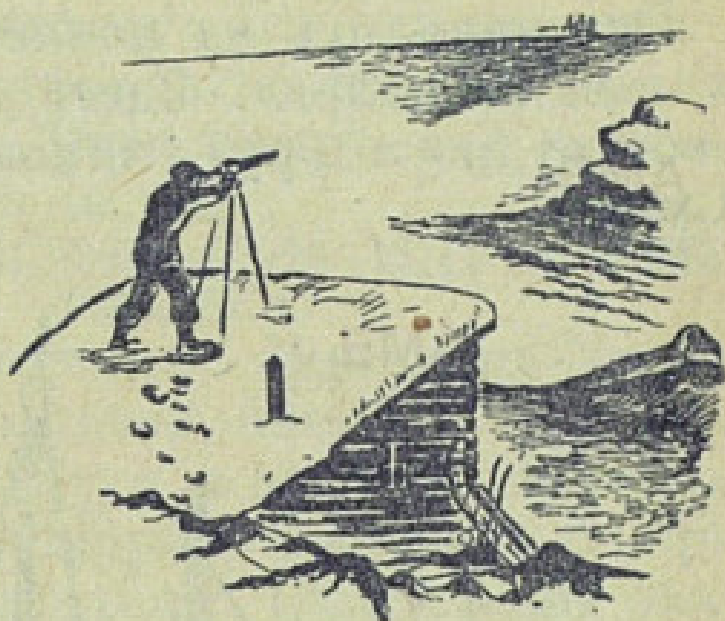
— Успеем насидеться в байдаре, — предложил Гарри, — пойдем берегом до базальтовых ворот наших владений. Блумквист, ведь ты справишься; поставь парус, тебе за весла не придется и браться.

Все, кроме Блумквиста, пошли берегом. Мягкий глинистый грунт был сплошь покрыт

мелкой галькой, среди которой попадались темные обломки скал. Местами в тени камней держался снег. За невысоким плоским берегом поднимались изрезанные обвалами, расколотые весенними потоками черные почти отвесные скалы. Прозрачный воздух наполняли крики бесчисленных птиц — нырков, чаек, кайр и пуночек.

Надо было расставаться с провожающими. Шедшие берегом поровнялись с базальтовыми воротами — это были два гигантские черные утеса, возвышавшиеся над пологим скатом.

Байдара, на борту которой свежей краской было выведено «Мэри Хармсворт», стояла у самого края воды.

Стали усаживаться.

Блумквист по команде Джексона поднял якорь и багром оттолкнул байдару от берега.

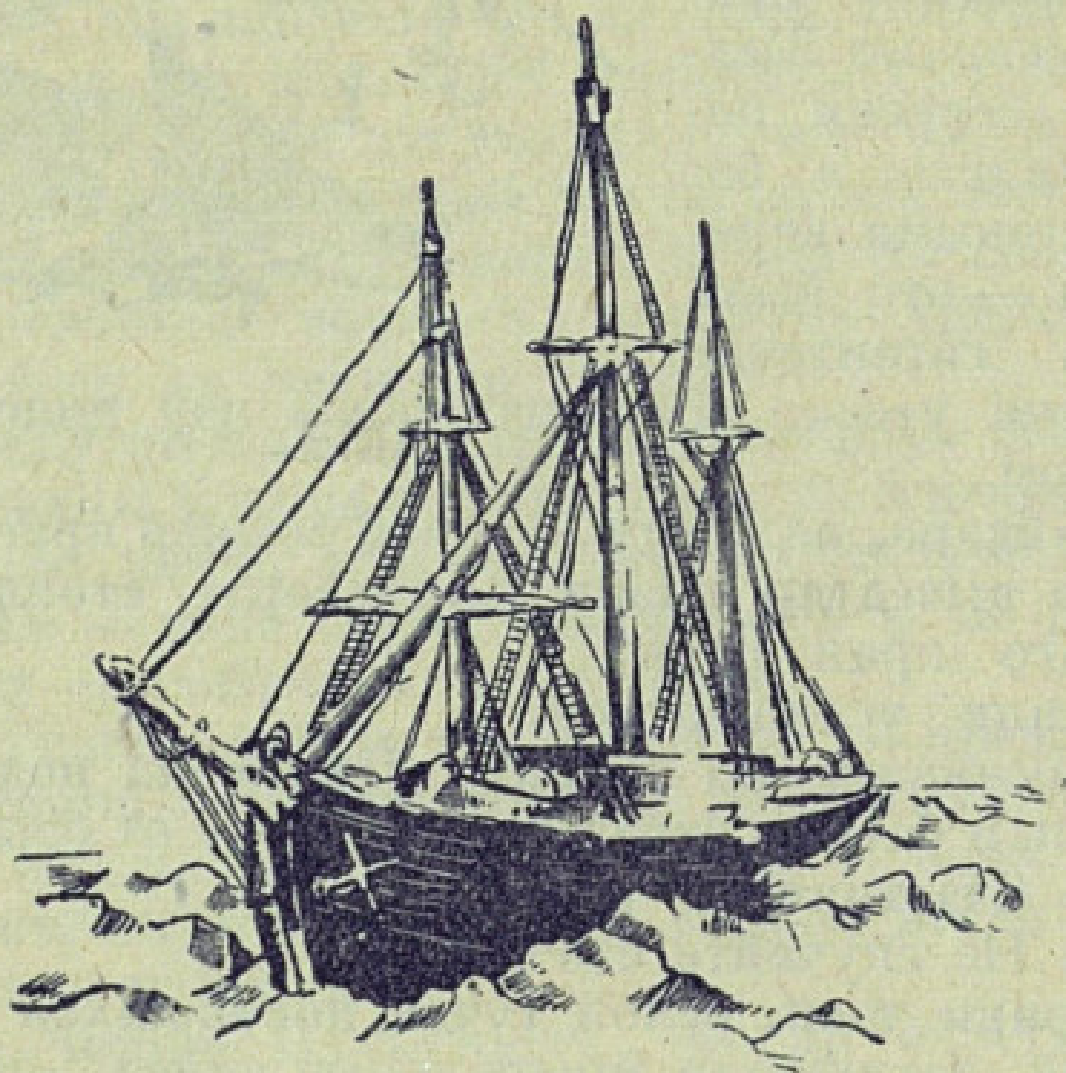
— Счастливого пути!

— Не скучайте без нас!

Крики чаек, белой тучей носившихся над водой, заглушали прощальные слова. «Мэри

«Хармсворт», наполнив парус, легко заскользила по воде. В веселый гомон птиц изредка врезался звон и шуршание льдин, ударявшихся о борта байдары. Далеко впереди с черных стен берега к зыбкой синей воде сползал зеленоватый ледник, словно это застыл низвергающийся с гор водопад.

Остановились на ночлег на острове Белль в гавани «Эйра». Здесь в 1880 г., потеряв свое судно «Эйру», зимовал шотландец Лей Смит.

Путники вошли в дом, небольшой, похожий на сарай, с высокой двухскатной крышей. Стены обшиты желтыми досками, остатками раздавленной льдами «Эйры».

На стене против входа висит жестянка, в ней записка Лей Смита о судьбе «Эйры» и о намерении итти на шлюпках к Новой Земле.

Джексон сунул руку в карман за записной книжкой, но вспомнил, что оставил ее в вещевом мешке. В кармане лежал лишь томик английских стихов. Джексон оторвал заглавный лист и написал на нем:

«ФРИТИОФУ НАНСЕНУ, КОМАНДУЮЩЕМУ
ЭКСПЕДИЦИЕЙ НА «ФРАМЕ».

«Полярная экспедиция Джексона-Хармсворта, в составе 6 человек, посетила этот дом 12 июля 1895 г., следуя с острова Норбрук на север. На острове Норбрук на мысе Флора имеем постоянное жилище. Будем рады оказать гостеприимство вам и вашему экипажу.

Фредерик Джексон».

ВСТРЕЧА

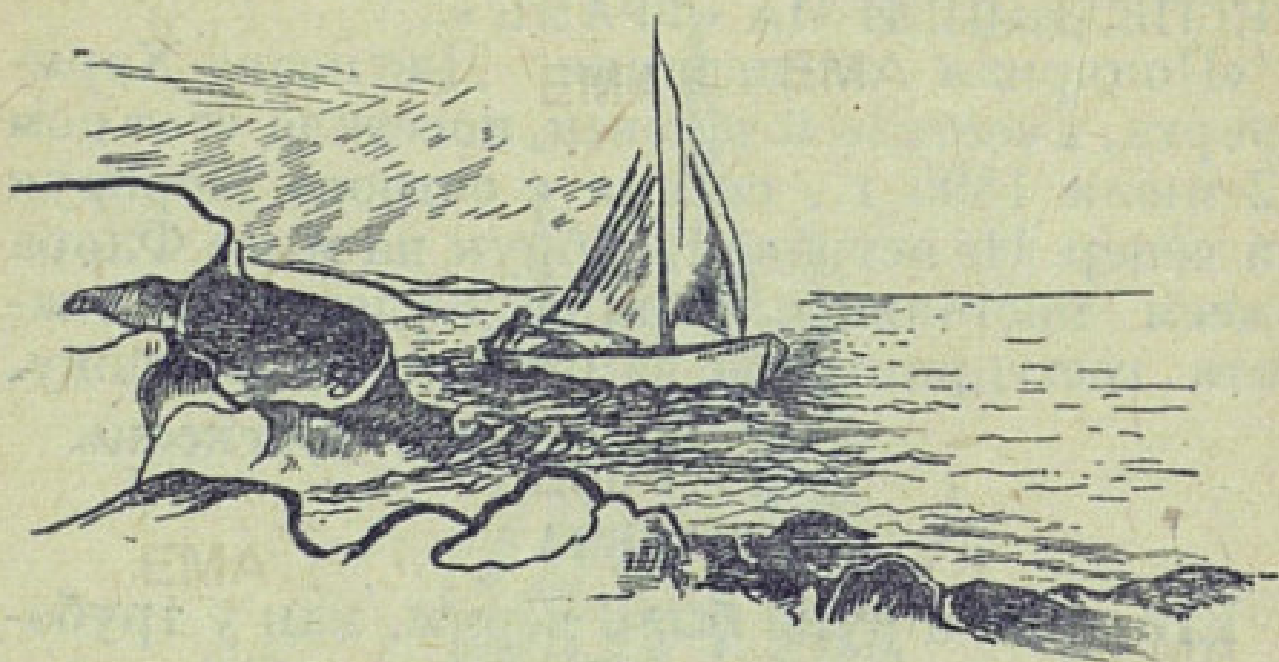
Его лицо и руки были черны, как у трубочиста. На плечи падали беспорядочные космы темных волос; всклокоченная темная борода закрывала нижнюю часть лица.

Человек поднялся на невысокий снежный холм и огляделся вокруг. Он хорошо знал эти темные отвесные утесы, торчавшие над

волнистой линией хребтов, знал эти скованные льдом равнины, ледники, подобно застывшим потокам сползавшие в море. Но он пристально вглядывался в белую пелену, словно что-то искал. Затем он закрывал глаза и прислушивался. С обледенелых склонов гор с шумом сбегали ручьи, бесчисленные птицы, покрывавшие темные скалы, оглашали воздух нестройными криками.

Вдруг он уловил странный звук — где-то далеко залаяла собака, рывкнула раз, два и затем залилась лаем.

— Иогансен! Собака лает, слышишь?

Из небольшой холщевой палатки, прилепившейся к подножию холма, выбежал такой же черный человек.

— Иогансен! Неужели ты не слышишь лая?

— Ничего похожего на лай! От криков этих отвратительных птиц может почудиться что угодно!

— Нет, нет, это собачий лай, а вчера два выстрела. Здесь где-то люди! Подумай, Иогансен, живые люди! Вспомни, сколько времени мы не видели живых людей! Сегодня 17 июня. Мы покинули «Фрам» в прошлом году 14 марта. Год и три месяца! И вдруг мы встретим сегодня людей! Может быть сюда зашли наши норвежские китобои и промышляют тюленей, моржей, а может быть здесь работает англий-

ская экспедиция. Помнишь, когда мы уходили в плавание в 1893 г., англичанин Джексон собирался на Землю Франца-

2-е ОТДЕЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В ЛЕНИНГРАДЕ

Иосифа и только не имел средств. Но писали о том, что деньги на экспедицию ему готов дать некий Хармсворт. Подумай, Иогансен, если мы встретим здесь полярных исследователей, культурных людей!

— Все возможно, но во всяком случае это настолько маловероятно, что было бы весьма неосторожно бросить наш каяк и обоим бежать на поиски живых людей. Иди ты один, а я останусь сторожить наше добро, — боюсь, что оно нам еще очень пригодится.

Через несколько минут, наскоро проглотив горячий суп, спутник Иогансена вышел из палатки. Взобравшись на холм, он снова оглядел обледенелый берег, снова прислушался. Только птицы неумолчно кричали над скалами. Он спустился с холма.

Он быстро мчался на своих лыжах. Ветер трепал его длинные волосы. Но вот он за-

медлил бег, остановился, нагнулся к снегу: на белой пелене отчетливо виднелись следы лап. «Лисица! Но разве бывают такие крупные лисицы? Особенно на крайнем севере! Нет, это не следы лисицы... Волк? Но ведь волк водится на материке, а не на 80 град. северной широты, в морях Арктики!... Нет, это не следы волка... Да ведь это обыкновенная собака! Чорт возьми, та же собака, лай которой я слышал или другая такая же... Но это собака, конечно собака»!

Снова издалека донесся лай. Человек стрелою летел туда, откуда доносился лай. Ветер свистел в ушах. И вдруг через свист ветра и птичий гам ясно донесся человеческий голос. Черный человек вихрем взлетел на ледяной пригорок — далеко между холмами он разглядел темные фигуры; собака, а за нею человек! Они двигались, они шли к нему навстречу... Человек на холме сорвал с головы широкополую мятую шляпу и стал махать ею в воздухе. Тот другой снял меховую шапку и ответил на приветствие.

Через минуту они стояли друг против друга — один в чистом клетчатом английском костюме, другой — оборванный, измазанный сажей бродяга.

Англичанин радостно протянул руку.

— Я — Джексон. Сердечно рад вас видеть.

— Благодарю вас. Я также.

— Ваше судно здесь?

— Нет, мое судно далеко.

— Вы здесь не один?

— Нас двое, на краю льда у меня товарищ. Джентльмен вдруг пристально взгляделся в черное лицо.

— Скажите, не Нансен ли вы?

— Да, я Нансен.

— Какая встреча! Как я счастлив!

Джентльмен схватил черную, грязную руку и стал ее радостно трясти.

— Откуда вы? Где «Фрам»?

— Я уже больше года назад покинул «Фрам», когда он был на 84 град. северной широты. С лейтенантом Иогансеном я отправился к полюсу на санях. У нас было 27 собак. Но их нет. Часть их мы съели, часть

околела. Мы достигли 86 град. 15 мин. северной широты, но оттуда пришлось повернуть обратно. Мы зимовали на Земле Франца-Иосифа, на одном из северных островов, а теперь идем к Шпицбергену.

— Пешком по льду! Тащить самим нарты или плыть на каюке! Ну, нет! Я со дня на день жду прихода судна с запасами. Оно отвезет вас в Норвегию. А до тех пор вы будете нашими гостями. У нас здесь домик, целая усадебка, у нас много места. Мои товарищи и я мы будем вам так рады! Я как будто знал, что встречу вас. Ведь у меня для вас письма с родины. Перед отъездом я видел вашу жену и маленькую Лив. Они здоровы... впрочем это было два года назад... Как это я не узнал вас сразу! Ведь я же видел вас в Лондоне... Но только...

Англичанин сконфузился, а Нансен расхохотался.

— Понимаю, понимаю:— вы помните меня белокурый, с белой кожей, без бороды...

— Вот именно, это-то и ввело меня в заблуждение. Я думаю, что мы сейчас же пойдем к вашей палатке и перевезем ваши пожитки к нам. Да?

— Вряд ли мы с вами протащим сани с поклажей через все эти холмы.

— О, в таком случае за ними пойдут мои спутники. Они будут так рады оказать эту маленькую услугу полярному герою. Но прежде всего дадим салют Иогансену!

Грянули четыре выстрела.

— А теперь домой!

Они прошли около километра. С бугорка Джексон указал рукою на несколько темных пятнышек почти у самого берега. Это был «Эльмвуд» — домик англичан.

— Алло! Эрмитедж! Алло, Чайльд! Кетлиц, идите сюда поскорее. Это мои спутники, вы познакомитесь с ними — чудесные люди.

Англичане подошли.

— Джентльмены, у нас сегодня праздник. Угадайте, кто этот джелътмен? Эрмитедж! Я вижу по твоим глазам, что ты угадал. Ты догадливее меня.

— Урра, Нансен! Виват, Нансен!

— А вот и остальные! Джентльмены, — закричал он, не дожидаясь, чтобы они подошли. — Судьба послала нам гостя — Фритиофа Нансена, который возвращается домой с 86 град. северной широты.

— Урра, Нансен! Виват! Хэлло, Нансен!

— Но Фритиоф Нансен возвращается не один, а с товарищем. У них недалеко отсюда палатка. Надо все их добро перетащить в

«Эльмвуд». Ну-ка, кто покрепче, тащите из дому сани и в путь за Иогансеном! Вы увидите его палатку с холма,— около нее шест с норвежским флагом.

ЗЕМЛЯ НАНСЕНА

Все сидели за столом. У окна двое что-то поспешно писали, обмениваясь вполголоса короткими фразами.

Они не заметили, как неслышно открылась дверь полотняной перегородки, отделявшей крошечную ванную комнату, где мылся Нансен. Из черного он опять стал белокурым.

— Хэлло, Нансен! Белокурый Фритиоф! Споем песню в честь наших гостей, товарищи!

— Эрмитедж, запевай!

Эрмитедж встал у обтянутой зеленым сукном стены и, закинув назад голову, запел:

«Добрый товарищ в суровом труде,
Верный помощник во всякой беде,
Долгие годы, Фритиоф, тебе!»

... «Долгие годы, Фритиоф, тебе»,— подхватило несколько голосов.

Когда они закончили, Гарри, писавший у окна, обратился к Нансену:

— Сэр, не будете ли вы любезны дать мне несколько сведений о своей экспедиции?

— Буду рад ответить вам на все ваши вопросы,— сказал Нансен.

— Реджинальд, я сам буду записывать,— обратился Гарри к своему товарищу,— а ты продолжай свое дело. Клей, если понадобится, на полке над моей койкой, ножницы возьми свои, они лучше. Доктор Нансен, я сейчас буду к вашим услугам!— сказал он с видом заправского репортера.

Затем он перешагнул через свой табурет, встал за стулом Нансена и начал с ним тихо беседовать, делая пометки карандашом в своей записной книжке.

Наконец он вернулся на свое место около окна и взялся за кисточку с клеем.

— Живее, Реджинальд. В нашем домике сегодня праздник. Если бы мы знали заранее о том, что нас ждет, мы бы украсили наше скромное жилище...

Нансен расхохотался.

— Если бы вам пришлось побывать в жилище, в котором мы с Иогансеном провели последнюю зиму, вы бы поверили, что ваш домик кажется нам дворцом.

— А у вас не сохранилось фотографии или хотя бы рисунка вашего жилища?— спросил Гарри.

— Рисунок есть, но я не решусь вам его показать. Он совершенно черный, как отпечаток с испорченной фотографической пластинки.

— О! Это тем интереснее! Вы пытались запечатлеть полярную ночь? — притворяясь серьезным спросил Гарри.

— Иогансен, что я хотел запечатлеть на страницах дневника, которые оказывались черными, как сплошная клякса?

Не помню, что я хотел запечатлеть, но чаще всего оставались только следы грязных от жира и копоты рук.

— Я прошу у вас одну такую страницу вашего дневника!

Нансен перешагнул через стул и, наклонившись над вещевым мешком, вынул из него тетрадь. Он оторвал один листок и передал его Гарри.

— Реджинальд, вставь на первую страницу, справа, внизу. Ну, так, очень хорошо! А теперь читайте экстренный выпуск нашей самодельной газеты.

Гарри передал Эрмitedжу несколько листов бумаги с наклеенными на них небольшими листками.

Эрмitedж начал читать.

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК ПОЛЯРНОЙ ГАЗЕТЫ

17 июня 1896 г.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

17 июня 1896 г. на острове Норбрук произошла знаменательная встреча Фриттиофа Нан-

сена, возвращавшегося с 86 град. 15 мин. северной широты, и Фредерика Джексона, руководителя английской научной экспедицией Джексон-Хармсворт, работающей на Земле Франца-Иосифа с 1894 г.

8 апреля 1895 г. Нансен и его спутник Иогансен достигли 86 град. 15 мин., самой северной точки, какой когда-либо достигал человек.

Фритиофу Нансену, совершившему пешком путь с 86 град. 15 мин. на юг, через острова архипелага Франца-Иосифа, удалось внести существенные исправления в карту, составленную в 1874 году Пайером, открывшим эту землю во время дрейфа «Тегетгофа». Так Нансен установил, что Земля Франца-Иосифа изрезана на бесчисленное множество островов и не представляет собою сплошной и обширной массы суши. Кроме того Нансен указал на то, что некоторых островов, нанесенных на карту Пайером, вовсе не существует. Ошибки, допущенные таким опытным исследователем, как Пайер, Нансен объясняет густыми туманами, которые в полярных морях часто держатся неделями, а также и тем, что забитые льдом проливы трудно бывает отличить от суши.

Остров, на котором зимовали в 1895-96 г. Нансен и Иогансен, назван ими островом Фредерика Джексона.

— Ниже помещена страница из дневника Нансена, написанная им во мраке полярной ночи. К сожалению я не имею возможности прочесть вам этот ценный документ, отчасти по незнанию норвежского языка, отчасти по причинам техническим.

Эрмитедж поднял газету и показал черное прямоугольное пятно. Он подождал, пока затихли смех и восклицания, затем продолжал:

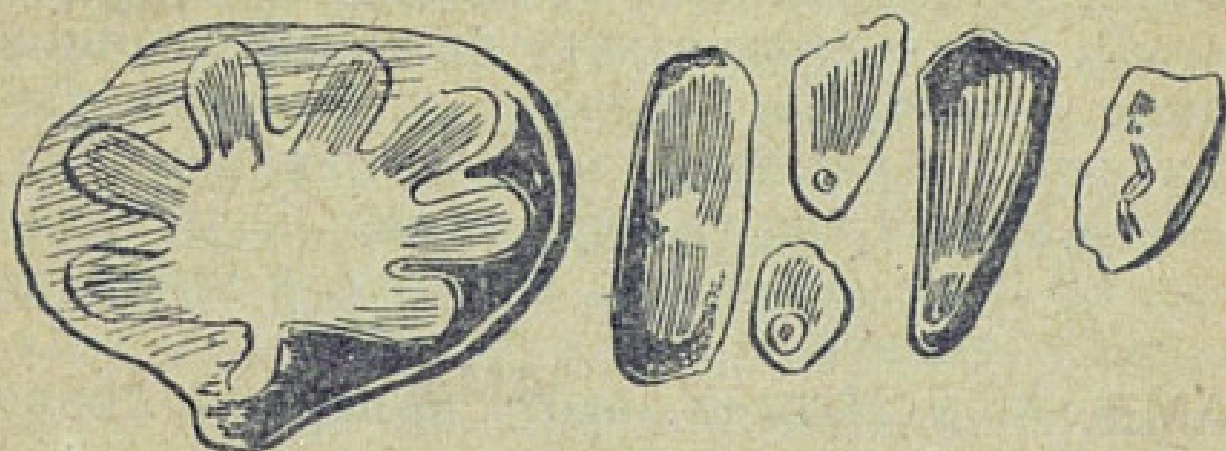
— Геолог экспедиции Джексон-Хармсворд, Реджинальд Кетлиц, исследуя строение берега мыса Флора, выяснил, что базальтовые стены и нагромождения базальтовых обломков расположены поверх слоя мягкой глины, перемешанной местами с глинистым песчанником. В глинистом грунте находятся в огромном количестве окаменелости растительного и животного происхождения.

В глиняном грунте Кетлиц обнаружил тонкие слои каменного угля.

Исследование окаменелых остатков растений и животных на Земле Франца-Иосифа, произведенное ботаником и зоологом экспедиции Джексона Гарри Фишером, дает основание предположить, что в отдаленные времена архипелаг представлял собою сплошную массу суши, связанную со Шпицбергенем в один большой материк.

Скелеты китов и морских раковин, находящиеся на берегу на высоте больше десяти метров над уровнем моря, показывают, что уро-

вень моря с течением времени изменяется, и море, отступая, оставляет на берегу уступы.

ТАБЛИЦА ТЕМПЕРАТУРЫ за 1896 г.

	Средняя	Высшая	Низшая
январь	—25°	—7,5°	—43°
февраль	—23°	—1,5	—40
март	—12°	—1,5	—33°
апрель	—13°	— 3°	—26°
май	— 7°	— 6°	—25,5°
июнь (1-16)	—25°	— 4°	— 5°

Метеоролог экспедиции

А. Эрмитедж.

— Браво, Гарри, молодец! Интересная газета!

— Откуда вы взяли мои сводки?— смеялся Эрмитедж.

— Оттуда, куда ты их повесил,— со стены.

— Я был бы очень рад, если бы вы согласились дать мне на память этот замечатель-

ный номер,— сказал Нансен.— Так близко к полюсу еще никогда не выходила газета. Мы на «Фраме» побили в этом отношении рекорд, установленный гренландскими эскимосами, издающими газету на своей ледяной родине,— затертые льдами у берегов Сибири, мы в первый год нашего плавания издали на новый год газету; но мы были тогда не на 80 град. северной широты, а почти на 10 град. южнее.

— Доктор Нансен, этот номер по праву принадлежит вам.

Эрмитедж протянул газету и хотел сесть.

— Альберт, твоя роль не кончена,— остановил его Гарри.— Мы должны еще раз исполнить в честь нашего гостя наш полярный гимн. Запевай, мы будем подтягивать! „Добрый товарищ в тяжелом труде“...

II. ИЗ ЛЕДЯНОГО ПЛЕНА

БАЕВ ПРОПАЛ

(Экспедиция корабля «Святая Анна»)

— Господин штурман, а ведь Баева-то нет!

Альбанов оторвался от прибора, которым он измерял высоту солнца над горизонтом.

— Чорт возьми! Напрасно я его отпустил. Нам бы сниматься надо и идти, а теперь жди, пока он еще вернется.

— Не пускали бы, господин штурман, так не пошел бы.

— Да сами вы слышали, сколько дней он ко мне приставал, что мол нашел ровную дорогу, «ровнушку, что и копыто не пишет».

— Ведь пытались мы вчера итти искать его «ровнушку» и в такие льды зашли, что едва выбрались. А сегодня и отпускать его не надо было. Ну его, с его «ровнушкой». А сулил, что до острова по ней дойдем! Мы-то хоть неважную дорогу, а нашли; сниматься бы, а тут жди его!

— Ждать его этого мало, надо пойти на поиски. Ведь вот уж девять часов, как человек ушел.

— Всем десятерым итти за одним! Это вы, господин штурман, напрасно...

— Разве я говорю, чтобы всем итти? Пусть часть останется у палатки, а я пойду на лыжах с двумя-тремя.

— Я пойду, господин штурман.

— Меня возьмите!

— А ты, Кондрат, уже лыжи одеваешь! Вот вчетвером и отправимся.

— В добрый час, господин штурман. Счастливо вам!

В холщевой палатке стало тепло. В большом металлическом ведре, вставленном в камфорку круглой походной печи, закипал суп из тюленьего мяса. Люди в юсматых

еховых малицах, с почерневшими от копоти и грязи лицами, шумно водили носом, вдыхая запах рыбьего жира.

— Еще того не легче — четверо пошли за одним и тоже пропали, словно в воду канули.

— И очень просто, что в воду. Полыньи на каждом шагу. Хоть и близко к полюсу, а все же лето дает себя знать. Не ведаешь, куда деваться, — тут ропаки, что твой дом, а тут вода.

— Не пошел бы я, кабы знал, что такая будет дорога. Не повезло с самого начала, так уж и не рыпались бы. Штурман-то наш говорил, что на «Святой Анне» верная смерть, а как уйдем по льду к земле, так еще может быть и вывезет кривая. А я скажу, что и так и так один конец.

— Ну и не шел бы, чем сейчас скулить.

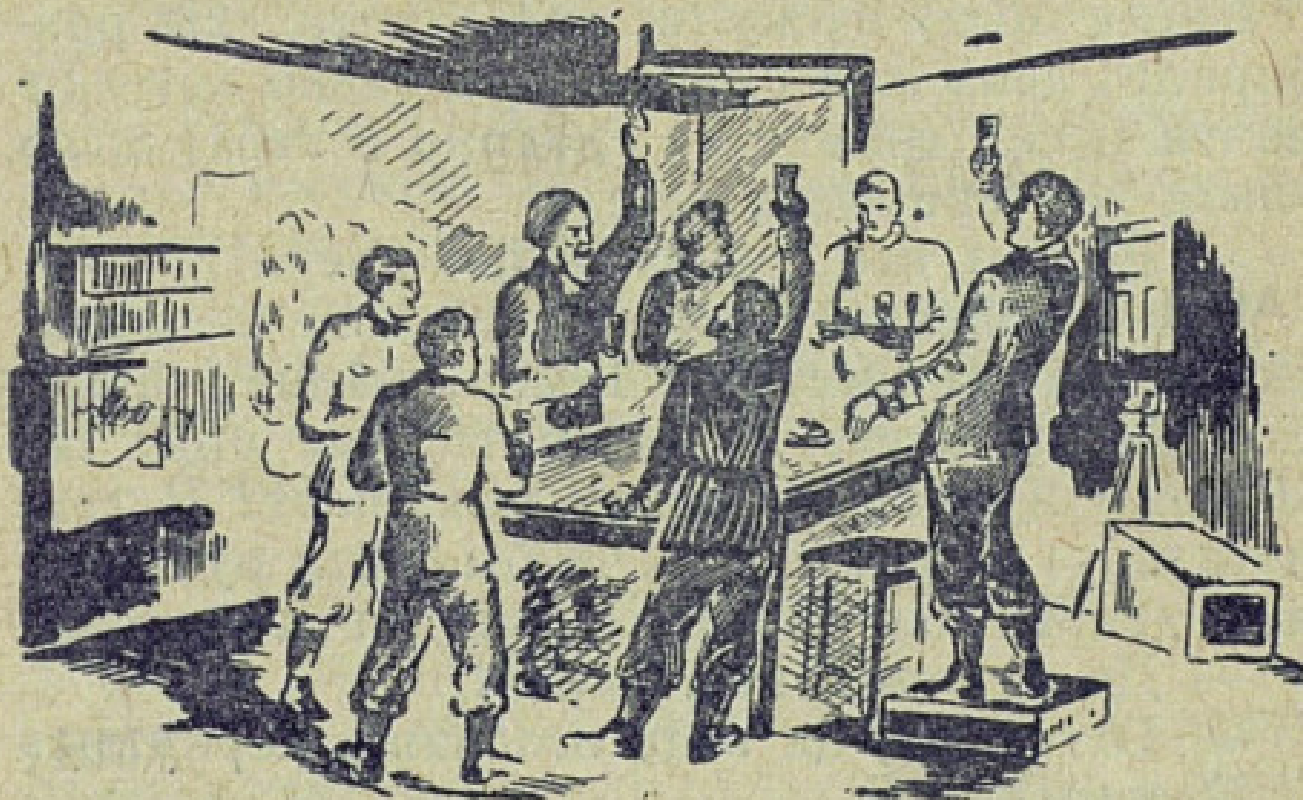
— Какой ты крепкий, как в палатке лежишь. А как нарты тащить, так поясница болит, ноги не держат. А что ж, хоть и дойдем до земли, что нас там ждет? Судно за нами прислали, пожалуйста, мол....

— За нами не прислали, а за экспедицией Седова прислали, и нас заодно заберут.

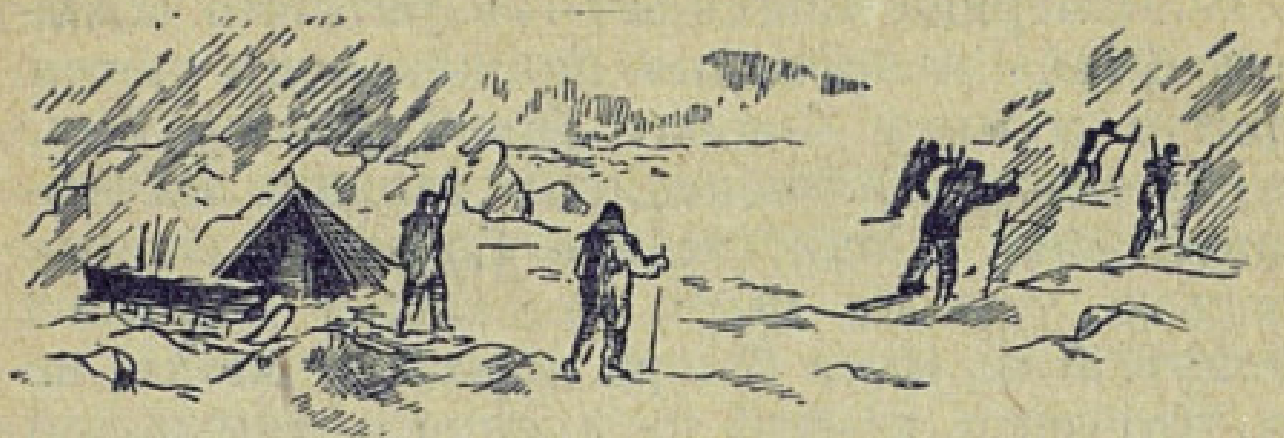
— А ты еще его встретить, это судно. Штурман-то наш говорит, что у него карты нет всех этих островов. А к какому острову судно придет?

— Валериан Иванович говорит, что «Святой Фока» непременно должен этим летом притти к мысу Флора. Такой уговор был, когда седовская экспедиция уходила из Архангельска. Поди, теперь Седов со своими людьми уже на мысе, поджидает «Святого Фоку». А на мысе Флора ждать не плохо, не то, что здесь в море на льдине,— там и дом есть, и запасы провизии. Только быдо браться, а там-то подождем «Фоку», не соскучимся...

— Это, братец, все вилами по воде писано. Остались бы на «Святой Анне», так уж год-то, во всяком случае, были бы целы, а там и «Святая Анна», может, освободилась бы из льдов. Судно ведь хоть куда, даром что его полтора года трепало со льдами.

Ну и уходил бы обратно на судно, пока еще не далеко отошли. Трое ушло, был бы ты с ними четвертый. Никто не неволил итти. А пользы нам от тебя никакой,—того и гляди придется тебя самого класть на нарты и тащить...

— Да вы не грызитесь, лучше присаживайтесь да хлебайте, пока есть что.

После обеда заснули, как убитые. Не разбирали, день или вечер,— все равно вот уже почти месяц солнце не сходило с неба, жгло глаза нестерпимым светом.

— Эй, вы там, отвязывайте дверь!

Что-то шлепает по холщевой поле палатки. Вскочили все шестеро. Темно, дымно, чадно. Со сна не могут припомнить, где они. На «Святой Анне»? На вахту вызывают? В темноте ищут дверь, шарят, чтобы найти ручку,— нет двери, нет ручки, холстина холодная.

— Да отвязывайте, черти!..

— Батеньки, да ведь это наши вернулись с Баевым!

Распутывают ременные завязки, спешат.

— Суп-то горячий ли? Проголодался небось парень, ну хоть жив...

Отвязали холщевую полу. Ослепленные светом смотрят, ничего не видят.

— Баев, что же ты и слова не скажешь?

Молчит. И остальные тоже молчат. Наконец, штурман заговорил отрывисто, словно сердится, а сам чуть не плачет.

— Нет с нами Баева... Не нашли.

— Не нашли?...

— По следам прошли, по следам и обратно поворотили. А между ропками и полыньями след пропал. Видно остушился и потонул бедняга. Все свою «ровнушку» искал.

— Вот «ровнушка»-то и привела к могиле.

Господин штурман, а может еще вернется?...

— Если не потонул, так может вернуться.

— А мы сюда шли, думали, не вернулся ли он раньше нас к палатке.

— Где ему палатку найти, среди ропков разве ее видно? Было бы видно, может и вернулся бы, если жив. Сигнал бы поставить.

— Ребята, готовь сигнал, мачту с флагами!

— Может еще жив, может вернется, если увидит. Давай ладить мачту!

Вытащили мачты с каюков, связали веревками, привязали к ним накрепко лыжи и лыж-

ные палки. Вышел шест метров в десять. Наверху прикрепили два флага.

— Ну ставь, ребята, на видное место. На тот ропок.

Забыли, что глаза болят, что слезы текут от яркого света; пришедшие с поисков забыли, что озябли, что голодны, что в палатке тепло и на печке горячая похлебка.

— На ропок ставь! Яму готовь! Крепи оттяжки! Заколачивай колья в снег, привязывай веревки к кольям!

— Ну теперь увидит, если только жив...

— А жив ли?...

ЗЕМЛЯ!

— Ну, теперь нам крышка!

— Стоило два месяца с половиной тащиться через ропаки и полыньи.

— Уже лучше всем вместе было подохнуть на «Святой Анне». А то, еще может быть, и освободились бы из льдов, ведь лето — смотри, какие разводья. А теперь попали в мешок, ни вперед ни назад...

— Надо обождать, сейчас ничего не предпримешь. На отвесную стену не полезешь и обратно на твердый лед не выберешься.

— А ждать-то как? Печку утопили, палатку бросили... Есть нечего.... Как будешь ждать на льду?..

— А какая теперь польза была бы от палатки? Все равно заливает волной. А как льдина расколется, так все одно потонем, что с палаткой, то и без палатки.

— Хочешь не хочешь, а ждать надо. Ну лезь на ледяную стену, взбирайся на 15 саженей!

— Если только повстречаю наших беглецов, непременно обоим по пуле всажу.

— Что ж ты их съешь, что ли? Охота тебе пришла стрелять, так ты нырков постреляй! Жрать ведь нечего, — завтра последние сухари сгрызем, а там что хочешь, то и делай!

— А они-то, подлецы, наверное, на острове. Разве им плохо, — провизию забрали, что получше забрали и ушли себе на лыжах.

— Может их давно и в живых-то нет. Ведь восьмой день как ушли.

— А в живых нет, так туда им и дорога. Их-то не жаль, дробовки жаль, как без нее будешь по птице стрелять?

— И тюлени-то здесь не «выстают». Вот тебе и берег, земля! И на нее не ступишь, и от нее не отойдешь. Подыхай здесь на льдине.

— А пока не подох, заворачивайся в парусину и спи. От разговора только аппетита прибавится; а толку не будет.

Разогревшись со сна, не спешили вылезти из парусины.

— Братцы, а ведь я дорогу нашел, ход на ледник!—Луняев вернулся на лыжах,—ходил на разведку вдоль ледяной стены.

— Таковую же «ровнушку», как Баев? Ну и иди по ней!

Штурман вскочил на ноги.

— Где, Луняев? Покажи, я пойду с тобою! Побежали вдвоем. Через час вернулись.

— Снимайся, братцы! Есть дорога. Поднимемся на ледник!

— А что на леднике-то будем делать? Здесь хоть может в полынье тюлень «выстанет», а поди, поднимись на ледник, много там найдешь. А у нас ведь всего на раз поесть, и то одни сухари.

— Чудак,—ведь ледник-то все же суша, твердая земля: вдоль ледника мы дойдем до черного мыска, а там, наверное, птиц столько,

что одними яйцами сыты будем! Ведь птиц на этих островах везде много, где только есть клочок земли или хотя бы голые скалы.

Все же пошли, хоть и нехотя. Дошли.

— Ну и дорога! Кому жить надоело, тот пусть и идет!

— Да разве по такому жолобу втащишь нарты с каюками?

— Нет, уж вы, господин штурман, напрасно нас подняли. Порожнем может еще и заберешься. А вот с грузом, так это и думать не надо.

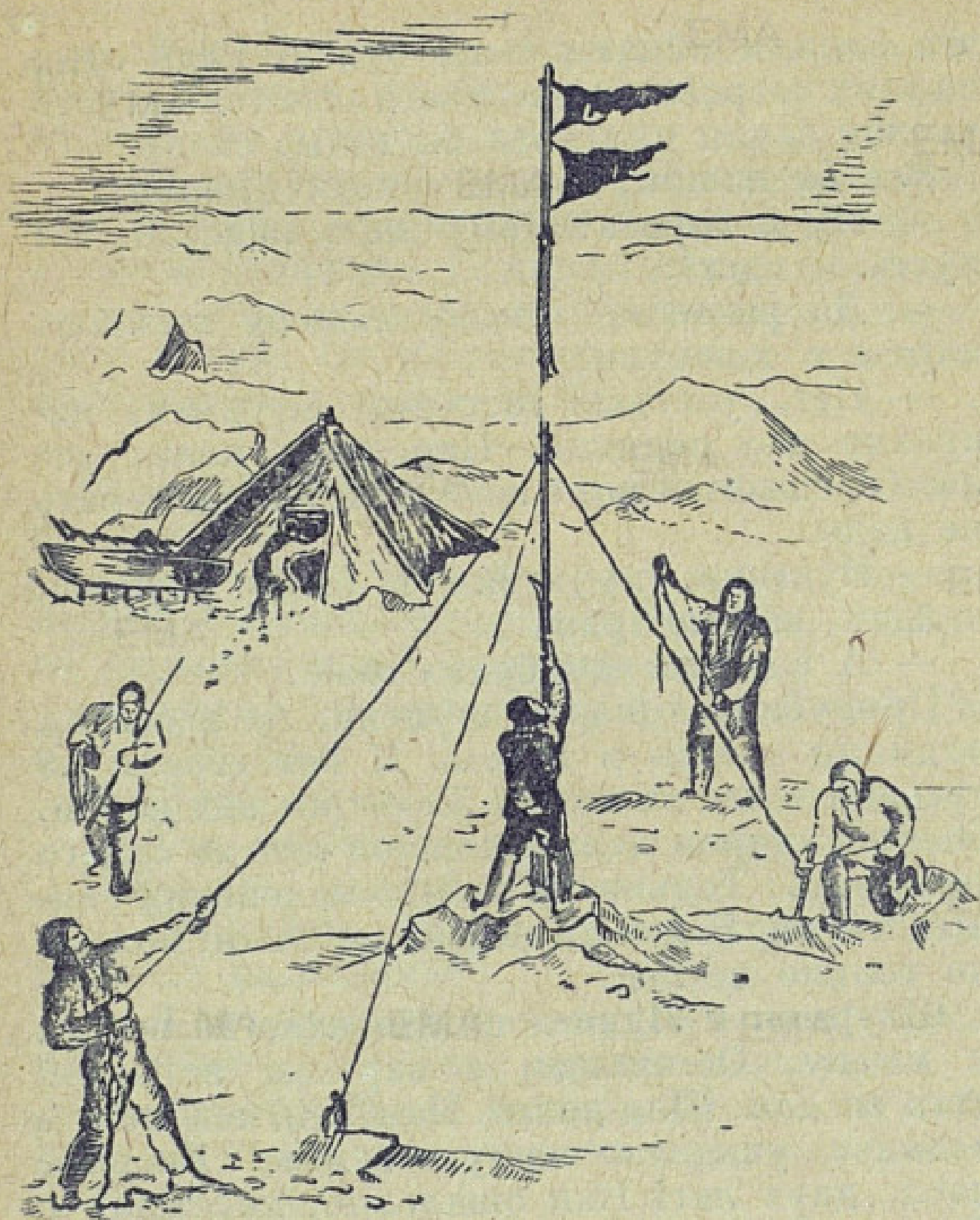
— Пустяки, прорубим в снегу ступени, пойдем, как по трапу.

— А вот это как будто гоже.

Прорубили топором ступени, на веревках подняли каюки и нарты. И вот стояли на твердой земле на высоте 30 метров над морем. Со всех сторон лед, сплошной лед до самого горизонта. Только на западе маленький темный мысок. Голые ли скалы, земля ли, мох ли, но только не лед.

Штурман и Луняев пошли налегке вперед к мыску. Остальным с нартами наказали идти следом. Шли долго. Наконец, под скатом ледника увидели черную землю! Впервые после двух лет! Как ошалелые, побежали к берегу. Готовы были броситься и целовать размытые ручьями мокрые комья. Навстречу им шум, гам. Смотрят полуослепшими от

солнца глазами и не видят, что это шумит пустыня, а гудит, как будто толпа волнуется, или река бурлит в порогах.

— Птицы! Смотри, ведь все это птицы! Базар птичий! На камнях, на лужах сидят!

— Ну теперь будем сыты!

Перепрыгивая через ручьи, пошли вдоль берега.

— Луняев, гляди, три гаги. Только не промажь!

— Эх, дал маху! Гаги вспорхнули...

И вдруг крик, человеческий крик! Обомлели охотники... Снова крик...

Переглянулись, ушам не верят. А вот человек бежит, шапкой машет...

— Чорт! Да ведь это наш беглец!

Подбежал, рыдает, чуть что не в ноги валится.

— Простите! Не губите!

— Луняев, простить что ли?

Отошли посоветоваться. Луняев молчит, только винтовку крепче сжал и нахмурился...

Подозвали беглеца.

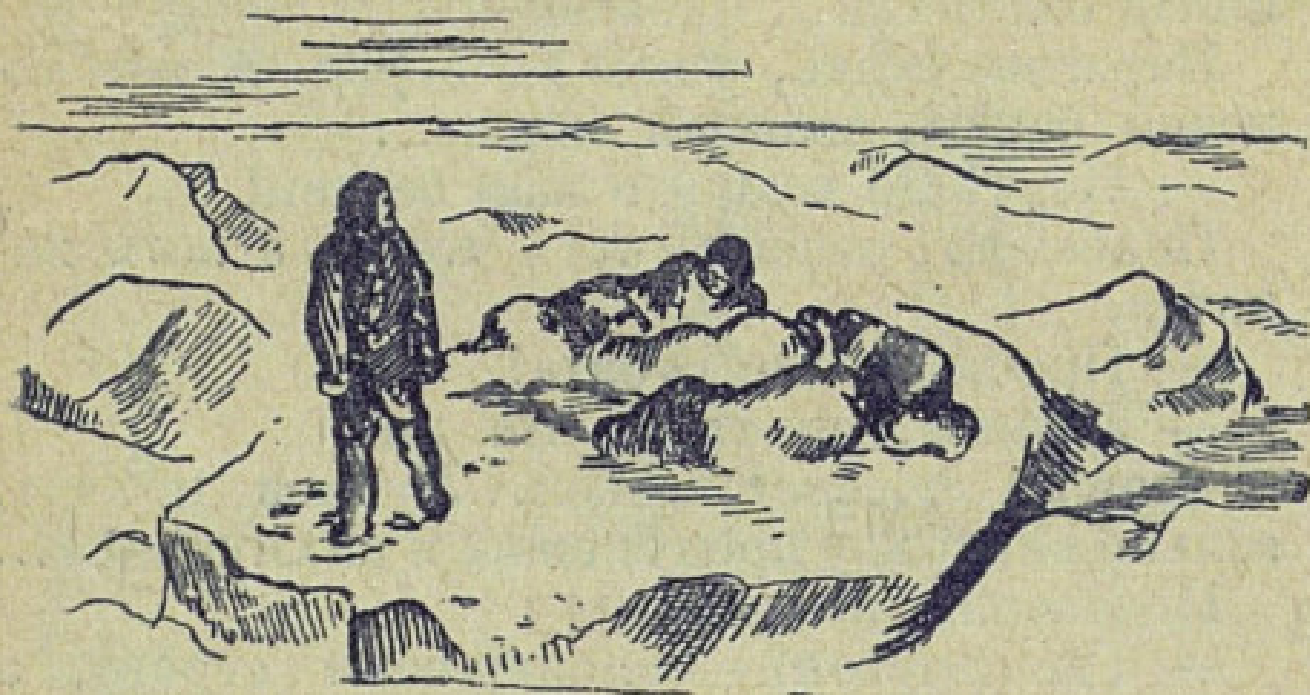
— Где другой? — спрашивают строго, а уж ясно, что простили.

Подшли к стоянке беглецов, — яма, вокруг заборчик из лыж, палок, парусиновых брюк и порожнего мешка из-под сухарей. Горит костер. На лыжах — запасы, потрошенные гаги. У беглецов вид совсем больной,

хотя и не голодали. Но рады-радешеньки, что кончился побег, потчуют гостей гагачьими яйцами. Рассказывают, что испытали за девять дней.

— Ночь прошла без сна,— в разговорах, в ожидании, что подойдут остальные. Несколько раз взбирались на ледник посмотреть, не идут ли?

Утро настало, а людей с нартами все нет. Только к вечеру подошли, и то это Луняев отправился на поиски, набрел на них и заставил подняться и идти.

Стали лагерем. Разошлись во все стороны разведчики,—кто гаг стреляет, кто яйца собирает.

А двоим так действительно посчастливилось. Набрили они на каменный холм. Очень

уж он показался им правильным, словно сделан по форме. Подивились они и решили разбросать камни, посмотреть, не человеком ли насыпан холм.

Под камнями нашли большую жестяную банку, а в ней английский флаг и бутылку. В бутылке — бумажка. Написано не по-русски.

Принесли в лагерь.

— Господин штурман, не прочтете ли?

Написано всего несколько строк. Все обступили Валериана Ивановича. Читал он, читал, словарь достал карманный и наконец прочел:

«ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЖЕКСОН-ХАРМСВОРТ»

Экспедиция на судне «Уиндвард» посетила этот мыс — мыс Мэри Хармсворт — 7-го августа 1897 г., оставив мыс Флора на юго-восток.

Намериваемся итти на северо-запад, чтобы исследовать этот район и, если удастся, достичь островов Иогансена.

На борту все благополучно.

Фредерик Джексон, начальник экспедиции».

— Ура! Теперь прямо к мысу Флора! По чистой воде на каяках!

— погоди! Два каяка не поднимут десятых. А ведь третий-то наш каяк тю-тю!

— Вышли с семьей каяками, а остались с двумя!

— Последний-то у самой Земли бросили из-за этих иродов. Так пусть теперь прут пешком по леднику!

— Да брось ты! Как будто два каяка восьмерых поднимут. Ребята! Кто порожнем пойдет по берегу?

Разбились на две партии по 5 человек. Береговые, чтобы не свалиться с отвесного ледника, обвязались длинным канатом и пошли цепью, ощупывая палками лед.

Вечером встретились на ночлеге, а утром снова двинулись в путь, — одни на каюках, другие вдоль ледника. Свидание назначили на мысе Ниль.

Каяки пришли. Люди расположились на мшистой зеленой площадке. Ждут день, ждут другой. Наконец подошла береговая партия, но вместо пятерых только четверо — одного оставили умирающим на последней стоянке; спешили, боялись, как бы каючная партия не ушла.

Вернулись к оставленному товарищу. Нашли окоченевший труп.

— Ну, братцы, теперь нас девять человек. Вчетвером пойдем берегом.

Мыс Гранта! Последний на пути, следующая стоянка на мысе Флора в зимовье Джексона, где есть дом, запасы...

Птичьи крики и гомон, словно шум прибоя. Берег и уходящие в небо высоченные скалы сплошь покрыты темной движущейся массой птиц. За широкой полосой воды виднеется скалистый остров, дальше — другой.

Словно колоннада сказочного замка, высятся темные утесы под белой крышей ледника.

Это мыс Флора — там дом, запасы, там — конец пути. Подойдет судно, посланное за экспедицией Седова, заберет всех и доставит

в Архангельск. Только бы поскорее подошла береговая партия. А ее все нет.

На третий день не стало сил ждать, двинулись в путь — поплыли против течения, про-

тив холодного ветра. Когда выбились из сил, уже вблизи острова, втащили каяки на льдину и, завернувшись в парусины, заснули. Пока спали, льдину отнесло в море. С трудом снова пригребли к острову Белль.

Вышли на берег. Один из пятерых не может стоять, ползает на четвереньках, сказать ничего не может, только смотрит испуганными глазами и мычит.

На утро его уложили в могилу в каменистом берегу; камнями же и засыпали. Осталось четверо, из них один тоже едва передвигает ноги, и язык у него заплетается...

Простояли еще два дня. Все думали: авось подойдет береговая партия. Солнечной ночью двинулись к мысу Флора, впереди была чистая вода, почти неподвижно стоял прозрачный синий воздух. Отчетливо был виден желанный берег. Еще три-четыре часа... Каяки шли почти рядом...

III. ПУТЬ К ПОЛЮСУ

(Экспедиция Седова 1913 г.).

Экипаж «Святого Фоки» молча выслушал рассказ Линника и Пустошного. Не о чем было спрашивать,— все было ясно, все это можно было предвидеть, и не раз после ухода

Седова к полюсу оставшиеся на судне говорили: «Георгию Яковлевичу не дойти, а вернуться он не захочет. Умрет по пути». Так и случилось. Вернулись матросы без Седова.

Седов был болен, когда уходил, была больна почти вся команда. Не было людей, чтобы помочь ему; из собак, взятых из Архангельска осталось всего двадцать. Больной Седов, едва стоявший на отекавших от цынги ногах, отправился к Северному полюсу. Другие шли к полюсу крепкие, здоровые, им помогали отряды, устраивавшие на пути склады провизии и топлива. И все же лишь одному человеку удалось достичь полюса. Седов хотел быть вторым. Он ушел с двумя матросами. Теперь они вернулись, схоронив его на пути к полюсу...

Линник и Пустошный кончили свой рассказ. Было тоскливо. Люди отворачивались, чтобы утереть слезы. Но не хотелось расходиться. Все оставались сидеть в каюте. Часто разговор обрывался, — каждый про себя вспоминал тяжелую историю этой экспедиции. Обменивались замечаниями.

— Всю душу ему вымотали, пока удалось пойти. Уж он и из Архангельска выходил больной.

— Все министерство его не пускало, говорили, что не ученый, что не таким, как он, экспедиции водить.

— А чем он не ученый? Только всего, что не дворянского звания, а в офицеры произведен за выслугу. А эту морскую науку он лучше всякого офицера превзошел.

— Вот ты так думаешь, а в министерстве господа иначе думают,— они своим руку держат, а если ты из простых, так и не лазь вперед, хода тебе все равно не будет. А на выслугу им плевать.

— Теперь будут рады! мы, мол, не даром не пускали. А вот дураки нашлись, которые по подписке деньги давали на экспедицию, так другой раз пусть не раскошеливаются, пока министерство не одобрит.

— А Георгий Яковлевич все говорил: «Везде русские моряки хаживали, в самые опасные плаванья, а вот к полюсу еще ни разу не хаживали».

— И дорогу-то ведь хорошую выбрал: ведь через эту самую Франц-иосифскую Землю сколько уж ходили к полюсу. Дорога, эта, видно, правильная и есть.

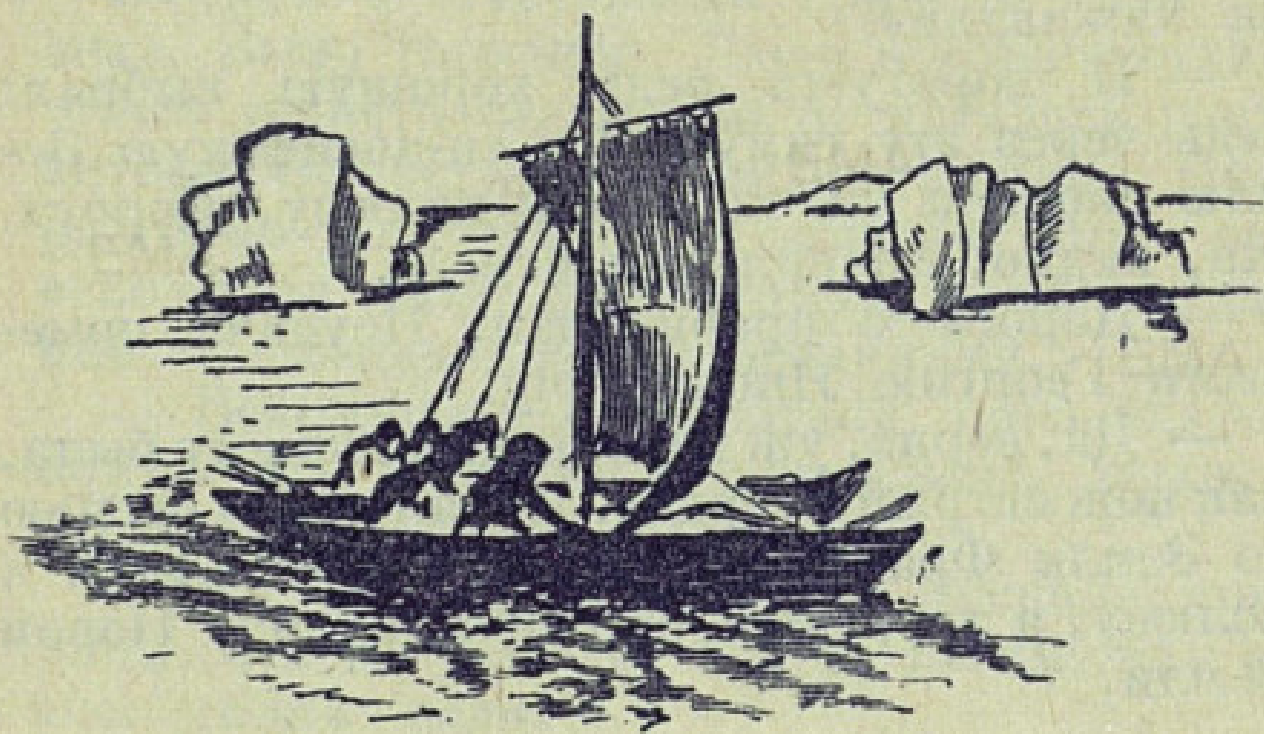
— Дорога-то правильная. Неудачи помешали Георгию Яковлевичу.

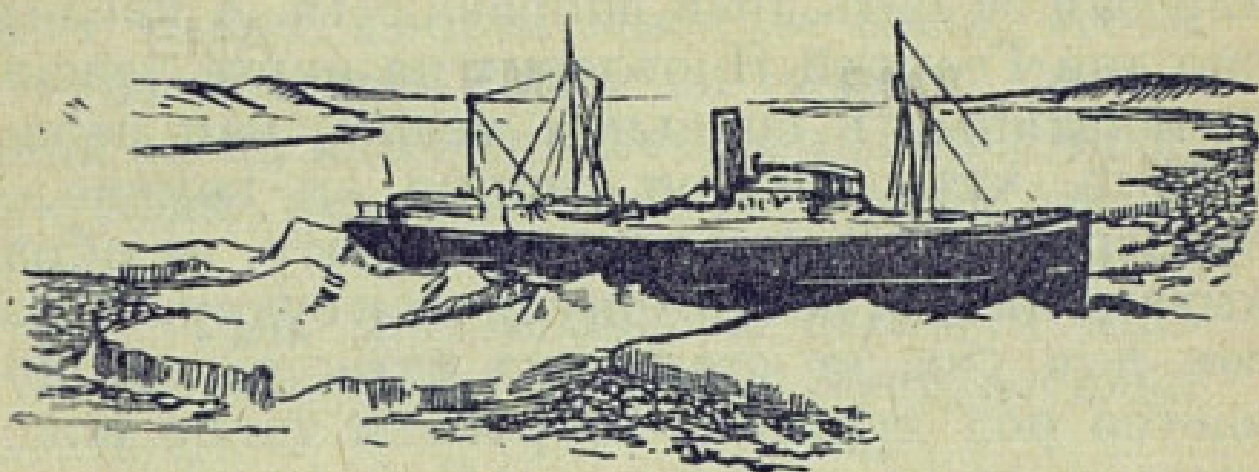
— Да, верно, уж первая зимовка ему была, как нож острый в сердце. Думал дойти осенью до Земли Франца-Иосифа, а с весны итти к полюсу, а тут, поди, год простояли у Новой Земли.

— А как пришли на эту Франц-Иосифову Землю, опять же одно горе: ждали, что судно пришлют с углем, а помощь-то не пришла.

— А угля адмирала Макарова не осталось на мысе ни синь пороха. Мало ли судов перебывало там за 12 лет! «Ермак» оставил, а другие подобрали и сожгли. Был бы уголь, можно бы было на «Фоке» дальше пройти на север,— дорога к полюсу была бы полегче. А то, поди, от этого острова Гукера до полюса чуть не тысячу верст надо отмахать!

— И здоровый бы не дошел. Где тут? Лед-то какой, братцы,— то под нартами подламывается, а то такие навалены груды, что и порожнем не пройдешь. Не дорога, а одно мученье.

— Видно, отсюда до полюса не дойти. Напрасно и пробовал Георгий Яковлевич. Ведь вот сколько пытались до него, а ни один не дошел. Возвращаться-то как было! Ведь без собак вернулись, на одних нартах, двое нарт, и всю поклажу по пути побросали. Разве больной может такой путь вынести? А ведь начальник-то всего три дня сам шел, а потом сел на нарту и уж больше и не вставал. А тут морозы стукнули градусов на 35, ветер встречный. И здоровому тяжело. Собаки сталидохнуть.

Недели две все еще ничего, хоть в тетрадку мог записывать. Километры считал, радовался, что ближе к полюсу. Бывало идем, поддерживаем нарты, пока есть силы. Затем палатку поставим, примус зажжем. А он лежит и пишет. Видим, что плох; начнем говорить — не дойти нам, надо на судно вернуться. Только улыбнется: «Нет, ты это, брат, оставь, брось и думать о судне. Я в Теп-

лиц-бай за пять дней поправлюсь». А последние дни Георгий Яковлевич на нарте лежал, привязанный в спальном мешке, как неживой. А чуть очнется, прямо за компас,— проверял, верно ли идем к полюсу, не обманываем ли его, не повернули ли к судну. А потом нам уже не стало сил идти: то лед ломается под нартами, то ропаки такие наворочены, что не обойдешь. Остановились пережидать. Всего четыре дня и простояли, как его уже и не стало...

— Тяжело умирал. Все жаловался на холод. А примус зажжем, в жар его бросает велит тушить. Опять задрожит. Мы с Линником ляжем рядом с ним в спальный мешок, чтобы согреть его. Есть не мог, в груди болело. А 20 февраля днем кончился.

Пустошный достал из-за пазухи клочок бумаги: на старом печатном бланке неумелой рукой он зарисовал карандашом могилу Седова.

Сначала Линник и Пустошный хотели привезти тело Седова на «Фоку». Но не довести им было: последние собаки сдохли, пришлось схоронить на пути. Завернули тело в два брезентовых мешка, киркой вырыли могилу и опустили. Рядом флаг положили,— брал его Седов, чтобы водружить на полюсе. Крест хотели поставить, не из чего было,— связали две лыжи крестом и поставили на нава-

ленные камни. Горсти земли не было, чтобы взять на память. Взяли по камню. Третий камень взяли для жены Георгия Яковлевича. «Передадим, если придется вернуться на родину».

Пустошный закашлялся и сплюнул кровью. Все сидели молча, словно придавленные тяжестью.

— До лета исследуем ближайшие острова, а летом попытаемся на «Фоке» добраться до Архангельска.

Побывали на мысе Флора, — там все так же, как было осенью, когда заходили в надежде застать судно с углем. Тогда прибили к высокому шесту доску с надписью «Экспедиция старшего лейтенанта Седова. 1913 г.». Теперь ниже к стене дома привесили на проволоке две запаянные жестяные банки, — в них записки о том, что «Святой Фока» зимует у острова Гукера.

Возвращаясь, остановились в гавани «Эйра», на острове Белль. В домике Лей Смита пусто и неуютно, — в одном углу куча банок с консервами, в другом — грудa угля. Но зато много интересного на стенах — висит жестянка с запиской Лей Смита, рядом письмо Джексона Нансену. Еще какие-то надписи карандашом прямо на стене.

Настало полярное лето, появились широкие полыньи. Пора было выходить «Фоке»

из ледяной гавани. Угля не было с самого прихода на Землю Франца-Иосифа. Распилили на дрова стены кают, кладовых, палубу. Ледяными пилами и кирками прорубили выход в льдине, отделявшей «Фоку» от большой полыньи.

Через дымку тумана вырисовывается берег мыса Флора, — низкая терраса; в стороне от нее в глубине бухты крошечные строения лепятся у подножья изломанных, изпещренных пятнами снега темных гор. Дальше к открытому морю уходит плоский, как насыпь, огромный ледник.

Низко навис белый туман. Пристально вглядывается капитан в берег. Среди камней что-то шевелится.

— Человек на берегу! — кричит вахтенный.

— Судно за нами прислали с углем. Ура!...

— Отда-а-ать якорь!

Загремела якорная цепь. А на воде под берегом закачался каяк, — человек гребет изо всех сил, широко размахивая веслом.

— Ура-а! — кричат с палубы, машут шапками.

Вот каяк уже у борта «Фоки».

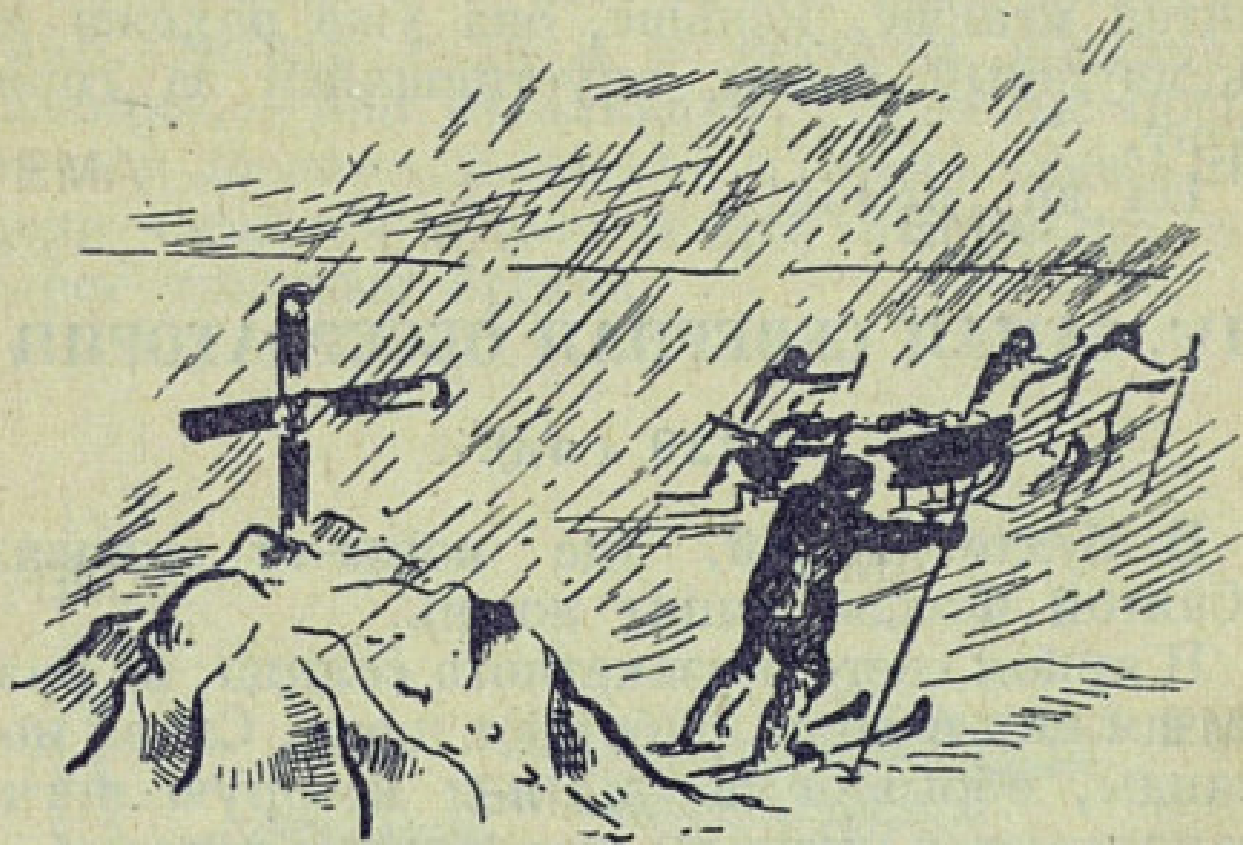
— Я штурман со шкуны «Святая Анна»... Я пришел с 83 град. северной широты. Со мной один человек. Нас вышло 11 человек три месяца

назад. Четверо остались на мысе Гранта, остальные погибли. Двоих на последнем переходе унесло с каяком в море...

Человек поднялся по трапу..

Амбар, дом Джексона—все разобрали по бревнам и распилили на дрова.—Прежде чем возвращаться в Архангельск, решили итти искать четверых, оставшихся на мысе Гранта.

Медленно шел «Фока» вдоль берега. Поддавали свистки, тревожные, зовущие. Никто не отвечал. Давали залпы из пушек... гулкое эхо повторяло их, замирая,— и снова молчание.

В домике «Эйра» никто не был с весны, когда сюда приходили с острова Гукера. На мысе Гранта — молчание. Только испуганные свистками всплывают стада моржей, да пуще кричат птицы на черных скалах.

Люди погибли. Затерялись где-то среди льдов. Не найти их. На юг! На юг, пока не израсходовано последнее топливо.

Вот уже Земля осталась к северу, она — словно белый щит на синем поле. Она становится меньше, меньше, она уже похожа на жемчужный месяц, опустившийся за горизонт.

На юг, домой!

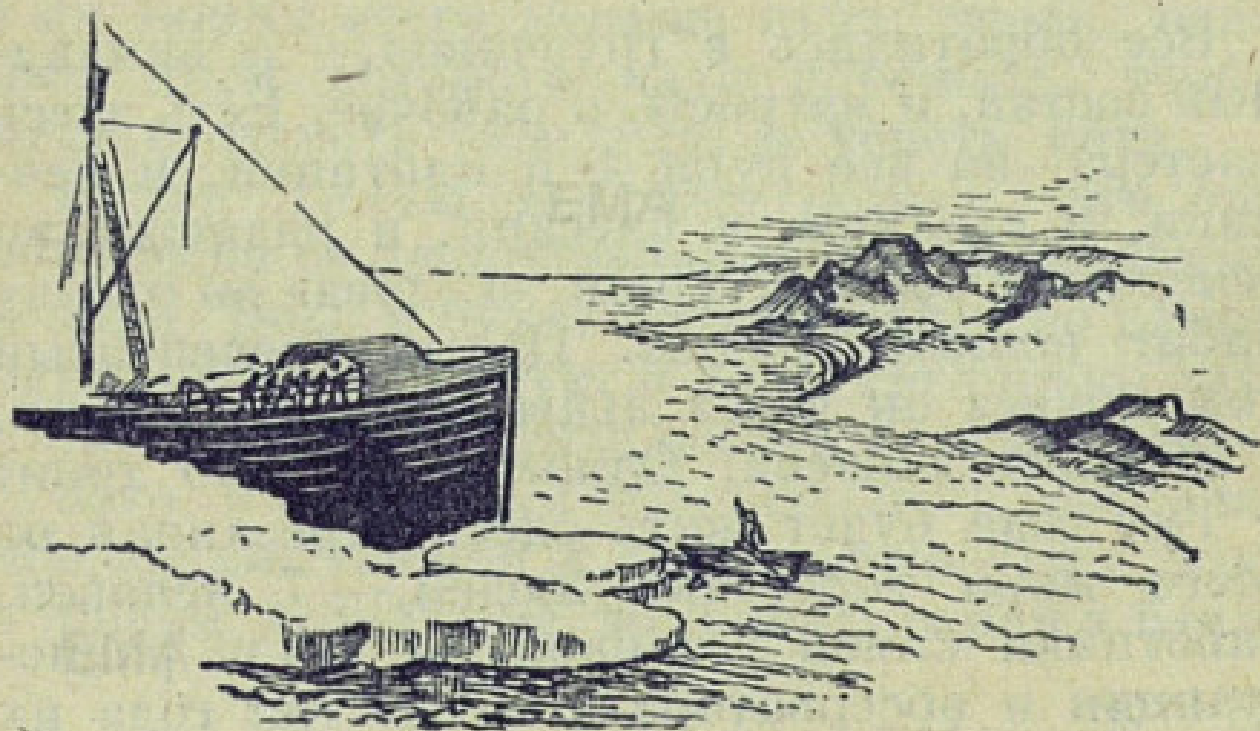
IV. САМАЯ СЕВЕРНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

(1929 год).

В бухте Тихой, где когда-то зимовал «Святой Фока», кипит жизнь.

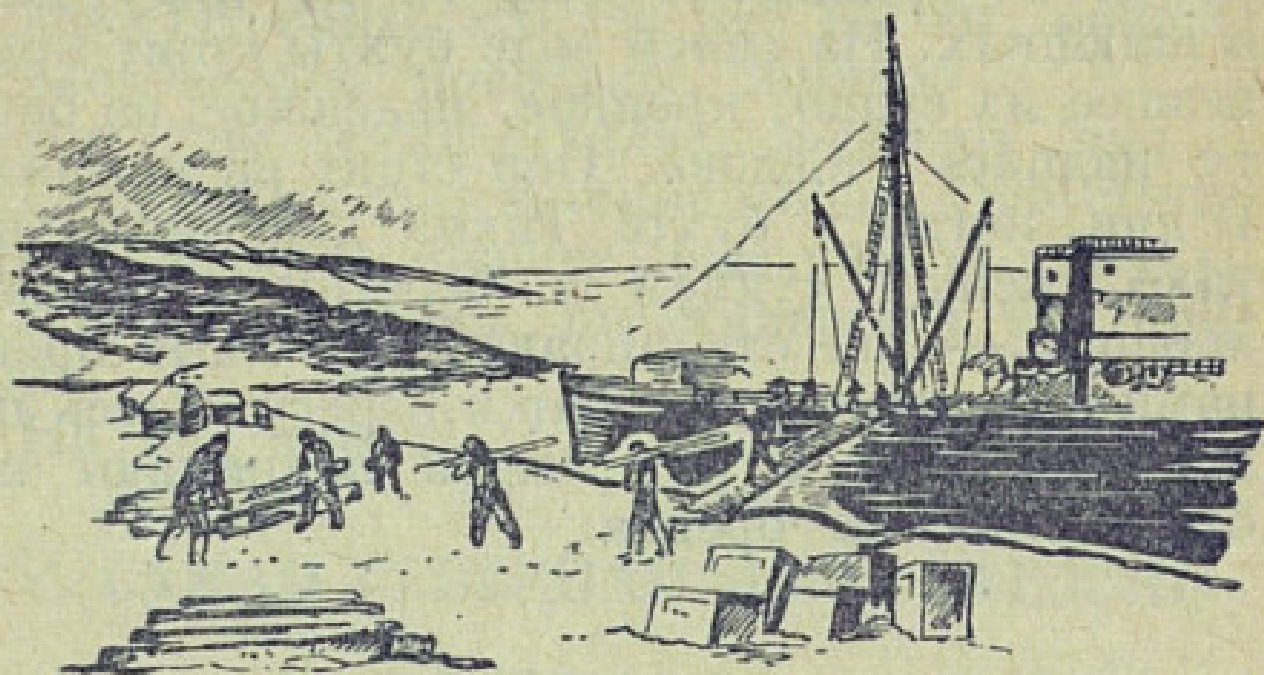
В ярком свете беззакатного солнца, не различая дня и ночи, работают люди. Слова команды, обрывки песни, под которую легче напрягаются мускулы, перекличка голосов, — у самого края обледенелого берега. А там выше, с темных стен скал, испещренных пятнами снега, несется неумолчный птичий гомон, — тревожно кричат беспокойные чайки, гогочут кайры и гаги, щебечут пуночки.

Люди потревожили птичий базар, люди пришли в эту ледяную пустыню, чтобы строить. Это не потерпевшие крушение, сколачивающие себе хижину из обломков раздавленного судна, чтобы перезимовать, а потом возвращаться пешком по льду или в шлюпках. На синей воде бухты стоит привезшее их судно, крепкое, надежное; на борту надпись «Седов». Оно стоит на якорях. В дни, когда в бухте Тихой действительно тихо, между судном и берегом шныряют шлюпки, — они отваливают, груженные бревнами и досками, и спешат к берегу. Здесь по цепи стоящих в ряд людей поднимают на берег тяжелые бревна.

— Полундра! Берегись! — чуть кто зазе-
вается, может остаться без ног. Работают.
стоя по колено и выше в ледяной воде. Све-
тит беззакатное солнце, нет ночи, и, не зная
отдыха, работают люди.

Все обратились в грузчиков, — и команд-
ный состав, и матросы, и рабочие. Есть здесь
мастера на все руки — и плотники, и печ-
ники, и столяры, и слесаря, и радисты, но
теперь все грузят. Трюм «Седова» до отказа
набит всякой кладью. Целый бревенчатый
дом привез он через льды Баренцова моря;
а сколько запасов! Одного угля 900 тонн!

Три года будет жить здесь отрезанная от
всего мира горсточка людей, — 7 человек,
работники самой северной на земле радио-
станции и обсерватории. Через три года их

сменяют другие. Три года только волны радио будут соединять их с остальным миром — краткие вести, передаваемые с советских станций, случайные обрывки сообщений, которые несутся по эфиру. Четыре месяца — полярная ночь, затем еще долго скованная льдом бухта, кольцо льдов...

Но не все дни так живо кипит работа. Часто свежий ветер нагоняет с моря в бухту лед. Льдины ударяются о борта «Седова», рвут его с якоря, словно гонят прочь от этих берегов, где еще никто не пытался обосноваться прочно, на долгие, долгие годы.

В такие дни нечего и думать о том, чтобы грузить: шлюпку опрокинет или угонит в ледяное море, в котором нашло могилу не мало шлюпок и судов. В такие дни надо ждать. Трудно ждать, когда всякий день на счету, — теперь август месяц, когда в полярных морях всего меньше льда, месяц, каждым днем которого надо дорожить, чтобы успеть сделать свое дело и успеть уйти.

Бухту Тихую выбрали потому, что она защищена от движущихся льдов, нагоняемых с моря. Вода в бухте почти чистая, но дикий ветер сутками бушует и воет. Не только грузить, даже на берегу работать невозможно.

Зато в тихие дни наверстывают потерянное время. Словно в сказке, вырастает дом, а рядом небольшие домики — сарай и баня.

Но «Седов» не ждет, чтобы была закончена постройка, — пока тяжелые льды не сковали море, он спешит на север. Медленно прокладывает себе путь ледокол. Вот он достиг земли кронпринца Рудольфа. Здесь на берегу — могила Седова. И дальше идут к северу люди. Они перешли за 82 град. северной широты. Так далеко на север никогда не заходило свободно плавающее судно, — только пленников льда носило на таких широтах. Но здесь за огромными пространствами льдов снова чистая вода, — издалека, из жарких тропических морей сюда доходит теплое течение.

Пора обратно, мимо островов пустынного архипелага в бухту Тихую, где уже тем временем закончена станция, а отуда через льды Баренцева моря домой в Архангельск.

Вот уже несколько дней над скованной зимним льдом бухтой гудит и воет метель.

Плохо работникам станции. Жутко стонет ветер в тяжелом мраке полярной ночи. Через крепкие стены, через тройные рамы, через печные трубы проникает этот плач бури; ни на минуту не удастся о нем забыть.

На станции работа идет своим чередом, — нельзя засесть дома и пережидать, чтобы ветер стих. Приходится выходить, чтобы произвести наблюдения; а то вдруг обнаружи-

ваются какие-нибудь недочеты с радиомачтой. Выйдешь из сеней,— ветер валит с ног, пригибает к земле. Не помогает даже канат, натянутый через двор, как огромные поручни.

В этот вечер особенно яростно бушевала метель. Метеоролог станции, сделав вечерние наблюдения, вернулся в дом, где остальные работники сидели за чаем.

— Измучились вы сегодня?— спросил его врач.

— Да нет. Я, знаете ли, нашел великолепное средство, которое помогает мне сносить все тяготы, связанные с работой полярного метеоролога.

— Расскажите об этом средстве. Быть может, оно пригодится также и мне, полярному радисту.

— И мне, полярному врачу.

— И мне, аэрологу.

— И мне, механику.

— Весьма возможно, что мое средство может пригодиться всякому полярному работнику.

Заведующий станцией лукаво улыбнулся и сбросил с усов подтаявшие ледяные сосульки.

— Ну, говорите скорее!

— Вот в чем заключается найденное мною средство: я не думаю о 40-градусном морозе, не думаю о ветре, валящем с ног, не думаю о слепящей снежной метели...

— Не думаете о неудобствах, связанных с работой, а думаете только о самой работе...

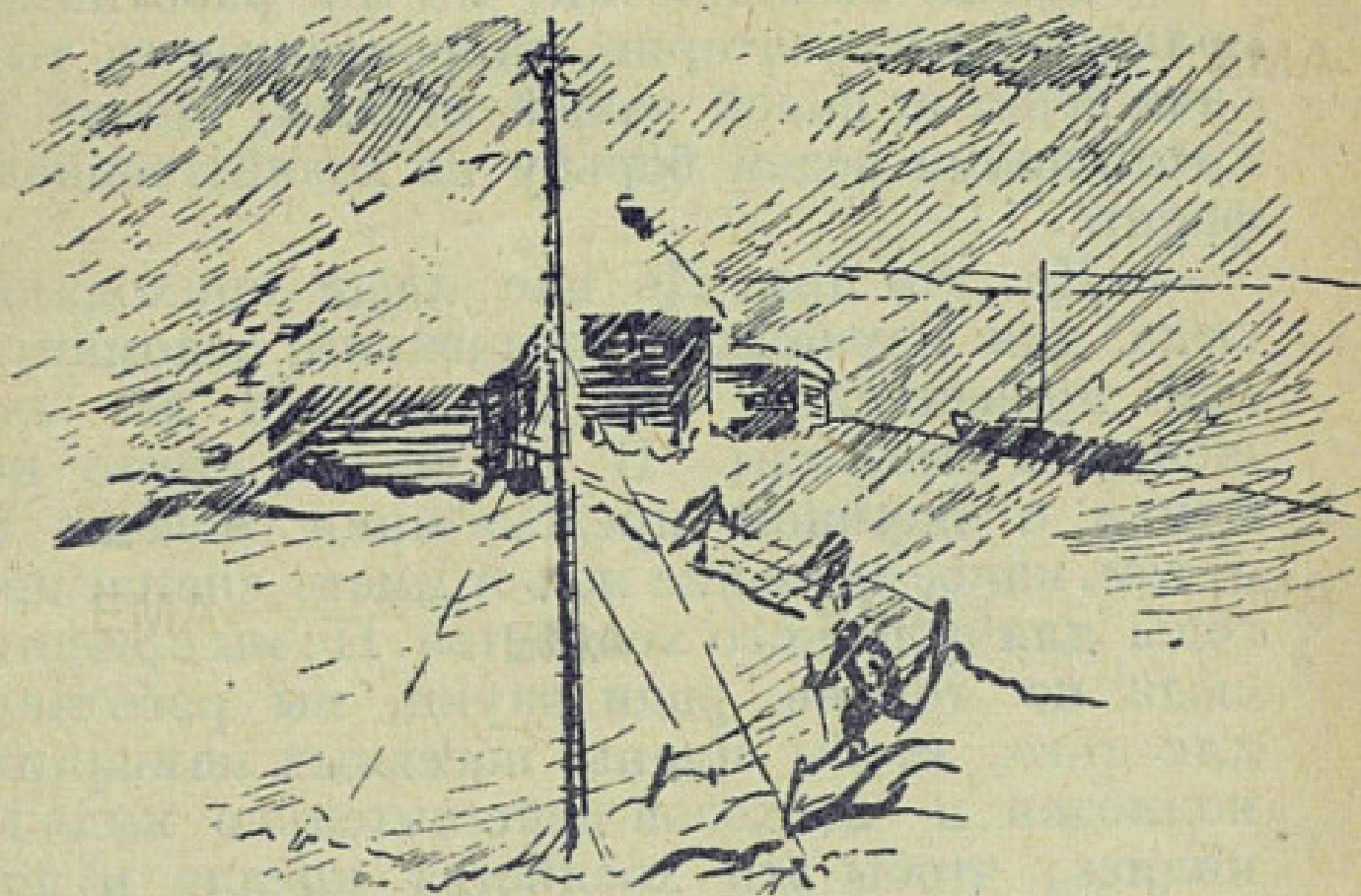
— Подождите, я не кончил. Я думаю не о работе: к ней я так привык, что мне не приходится особенно думать, чтобы записать показания приборов. Нет, я думаю не о работе...

— Так о чем же? В этом же весь секрет!

— Я думаю о том, что уже дает и что даст в ближайшем будущем полярная метеорология всей нашей стране. А даст она бесконечно много.

В этот вечер работники обсерватории долго не расходились по своим углам. Они не слышали воя и плача бури, мысль их была далеко, там, где и зимою светит солнце, там, где летом оно золотит поля. Они говорили о том, как, затерянные среди ледяной пустыни, они работают для того же, для чего работает крестьянин, для того чтобы обильнее родился на полях хлеб. Но их на станции всего 7 человек, а они могут облегчить работу миллионам: ведь наблюдения, производимые на крайнем севере, дают возможность предсказывать погоду, а от знания погоды в значительной степени зависит урожай. Как часто поздние заморозки губят всходы, как часто крестьянин упускает лучшее время, потому что он не ожидал, что оно так рано наступит.

До последнего времени каждый крестьянин вел свое хозяйство за свой страх и риск.

Он считал, что рассаду надо сажать на Ирину-Рассадницу, а овес и рожь сеять в день Елены, матери Константина. Так сеяли их отцы и деды. Придерживаясь святцев, крестьянин наносит ущерб своему хозяйству, потому что сеять надо по погоде, а погода год на год не приходится. Чтобы знать, когда сеять, надо знать, какая будет погода, а это по радио сообщают в центр со станций, рассеянных среди ледяных пустынь Полярного моря. На основании этих

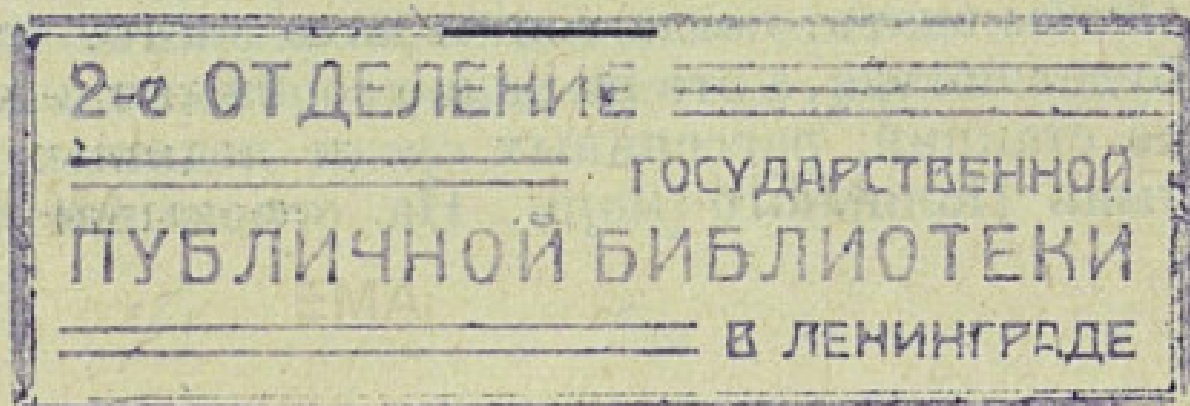

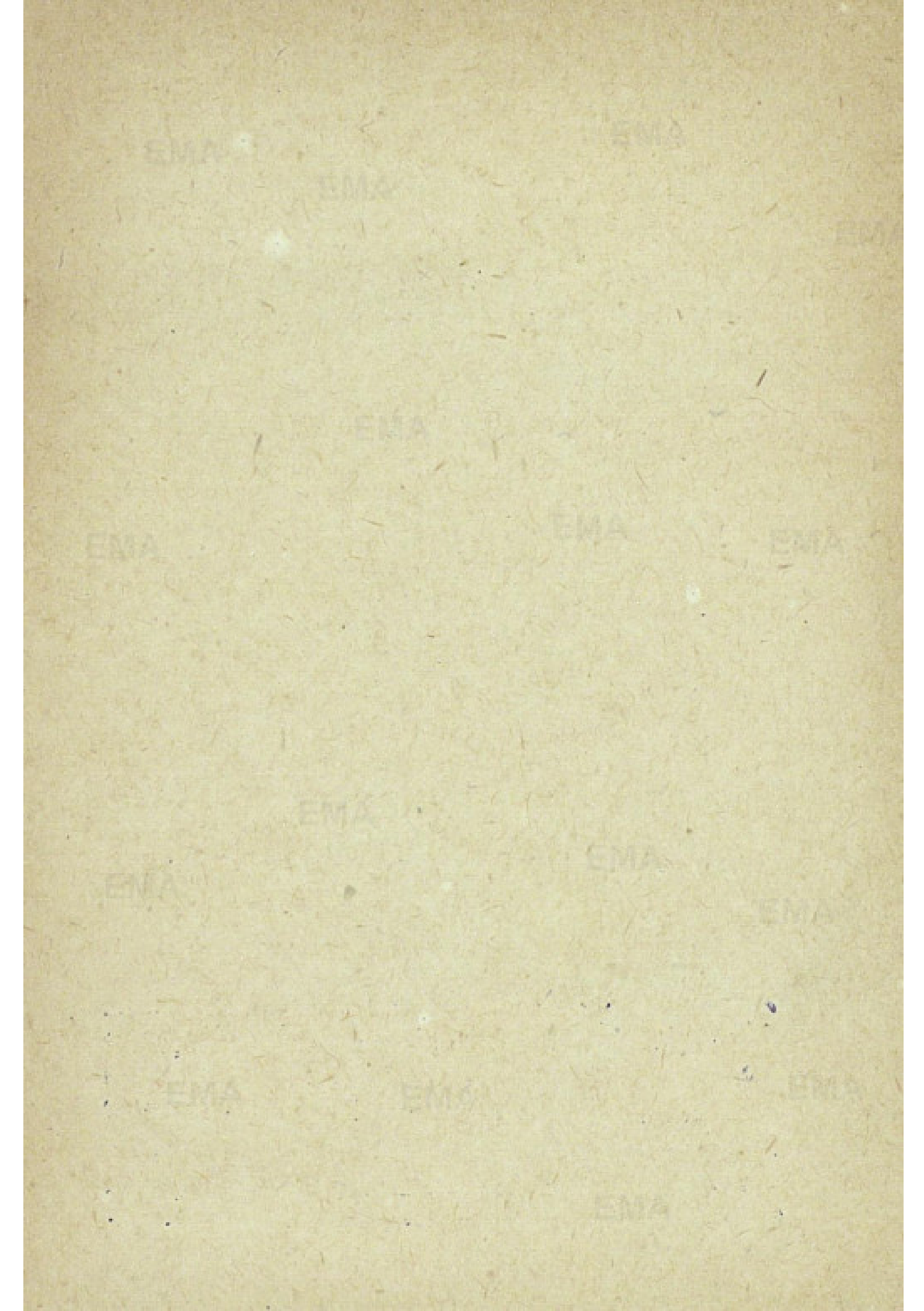
указаний в центре вырабатывается план посевной кампании.

— Значит выходит так, что мы, работники полярной обсерватории, заброшенные за тысячи верст от полей нашей страны, вместе с крестьянами ведем борьбу на хозяйственном фронте.

— Да, это так. До нас люди приходили сюда для научных исследований; вспомните как мужественно они переносили все лишения и невзгоды. В то время никто не думал о научном предсказании погоды и о том, какое значение может иметь знание погоды для сельского хозяйства. Но мы пришли сюда не только ради науки, мы работаем для того, чтобы планы посевных кампаний колхозов и совхозов действительно выполнялись, чтобы эти хозяйства крепили и повышали урожайность полей. Так разве нам не должно быть легче, чем им переносить долгую полярную ночь и ветры и метели.

Вот о чем думают работники нашей северной станции, когда крутит пурга, когда коченеют руки и ноет лицо.

Вп-58-23

12

43480

Цена 15 коп.

30-8

7115a

30-8

7115

a

